

Часть пятая. Цветы и тернии Коммуны

Германские орудия перестали обстреливать Париж двадцать восьмого января. Город по ночам был погружен в непроницаемый мрак, газ на улицах по-прежнему не зажигали. Луиза те ночи спала спокойно, не приходилось вскакивать после очередного разрыва и бежать тушить пожар, спасать из огня детей и стариков.

Ночь на восемнадцатое марта прошла для нее спокойно, но на рассвете ее разбудили голоса и шум. Схватив ружье, выскочила на улицу, холодно освещенную мартовским рассветом. Крики и шум и грохот железных колес доносились с вершины Монмартра, где стояло около сотни пушек Национальной гвардии.

— Что происходит?! — крикнула Луиза пробежавшему мимо гвардейцу.

— Не знаю! — ответил тот, не сбавляя шага. — Думаю, что генералы хотят украсть у нас пушки! Об этом давно ходит слух!

Монмартр просыпался, в домах вспыхивал свет, хлопали окна. Толпа, бегущая на холм, росла.

— Они увозят наши пушки! — кричали кругом.

С холмов доносилась тревожная дробь барабанов, сигналы горнистов. Задыхаясь, Луиза вместе с другими наконец-то одолела подъем и все увидела. Два батальона линейных войск Винуа впрягали в передки орудий лошадей, а вокруг бушевала разгневанная толпа. Люди цеплялись за уздечки лошадей, за колеса пушек.

— Как вам не стыдно, солдаты? — кричали женщины. — Мы отнимали у детей последний кусок хлеба, чтобы отлить пушки!

Луиза подбежала к лейтенанту, командовавшему операцией.

— Это подло, лейтенант! Вы не имеете права! Пушки необходимы для обороны Парижа!

— Отойдите, мадам! — сухо приказал лейтенант. — Или я отдам приказ стрелять!

— В женщин?! В детей?! Солдаты не станут стрелять, не подчинятся вам! Вы подлец, лейтенант! Вы служите изменникам!

— Батальон! — разъяренно рявкнул лейтенант. — По мятежникам! Огонь!

— Стреляйте в меня! — кричала седая женщина, раздирая на тощей груди кофточку. — Стреляйте в своих матерей, изверги! Ну! Что же вы медлите? Убийцы!

— Батальон, огонь! — повторял взбешенный неповиновением лейтенант.

Луиза вскинула ружье прикладом вверх.

— Солдаты Франции! Неужели у вас поднимется рука на беззащитных женщин?! Изменники сдают город бошам, а вы служите им! Где ваша совесть, где честь, солдаты?!

Выхватив из кобуры пистолет, лейтенант ткнул им в плечо ближайшего солдата-бородача.

— Ты слышал приказ?!

Бородатый отступил на шаг и вскинул над головой шаспо.

— Отойди, сынок! Или я размозжу тебе голову! Мы не палачи — расстреливать беззащитных!

Один за другим солдаты поднимали над головой ружья прикладами вверх,

— Мы не убийцы!

Побледневший лейтенант обессиленно опустил на лафет пушки.

— Генерал!

Оглянувшись, Луиза увидела группу военных, рысью приближавшихся к артиллерийскому парку, впереди скакал генерал. Элегантный, с отличной выправкой, с лихо закрученными усами, он был красен от ярости. С силой нахлестывая плеткой жеребца, он врезался в толпу.

— Почему не выполняете приказ?! — набросился он на лейтенанта. — Под трибунал!

Лейтенант не ответил, только оглядел солдат, державших ружья прикладами вверх, женщин, вцепившихся в построения орудий. Генерал проследил за его взглядом, и губы его свела судорога.

— Увезти пушки! — крикнул он. — Огонь по тем, кто окажет сопротивление!

Но бородатый схватил под уздцы коня генерала.

— Хватит, господин Клод Мартен Леконт! Накомандовались! Мало издевались над нами в казармах и походах?! Мало расстреливали нас в сорок восьмом и пятьдесят втором?! Кончилось ваше время, генерал! Долой с коня!

И ружья, только что поднятые прикладами вверх, повернулись штыками к Леконту и его свите. Генерала стащили на землю...

Вернувшись домой, Луиза записала в своем дневнике:

«Леконта схватили, когда он приказал стрелять в толпу. Генерала повели в Шато-Руж, главный штаб Монмартра, на улице Розье. Туда же отправили и Клемана Тома, — этот негодяй, переодевшись в штатское, чертил в записной книжке план расположения монмартрских баррикад. В штабе Леконта заставили подписать приказ об эвакуации войск с холма. А когда генералов вывели из Шато-Руж, на них набросились ожесточенные муштрой и службой солдаты. Гарибальдийский капитан Герпен-Локруа и члены комитета, рискуя жизнью, пытались защитить Леконта и Тома от солдатского самосуда. Но волны гнева были слишком сильны, ружья, казалось, стреляли сами. Клеман Тома и Клод Леконт расстреляны собственными солдатами около четырех часов утра на улице Розье...

Монмартр окончательно пробудился, барабаны били тревогу. В наступавшем свете дня раздавались звуки набата. Мы шли, зная, что нас ждет готовая к бою армия, но шли с мыслью умереть за свободу, если не удастся увлечь за собой солдат Винуа. Если мы умрем, весь Париж встанет. Холм был окутан розовым светом, прекрасной зарей освобождения...»

Такие же события разыгрывались в те часы на высотах Бельвиля и Бютт-Шомона, там народ тоже не позволил солдатам Фарона увезти пушки. Слух о провокации Тьера и Винуа несся по Парижу, поднимая его на дыбы, и уже в середине дня Тьер вынужден был бежать в Версаль. Туда же отведены правительственные войска. Так, в один день почти бескровно победила революция — убито и ранено не более тридцати человек. Арестованные с Леконтом штабные офицеры приказом Ферре и Жаклара освобождены, — будущие коммунары не желали пятнать себя пролитой без суда кровью.

Врезалось в память Луизы выступление Теофиля. Взобравшись на лафет орудия, потрясая над головой шляпой, он призывал:

— На Версаль! На Версаль, товарищи!

О, если бы послушались его призыва, Коммуна, вероятно, не погибла бы так быстро! Но ослепленные легкой победой люди не понимали опасности, которой им вскоре будет угрожать Версаль, да и сама Луиза тоже не все тогда понимала. И даже воззвание Тьера, украдкой расклеенное по Парижу ночью, вызвало у нее лишь ироническую усмешку.

«Правительство Республики не может иметь иной цели, как благо Республики. — Взывал Тьер к населению. — Правительство желало и желает покончить с мятежным комитетом, члены которого, почти неизвестные населению люди, проповедуют коммунистические доктрины. Они способны отдать на разграбление Париж и похоронить Францию».

С омерзением и гневом сдирали генеральские прокламации со стен рабочие и студенты, узнавшие истинную цену словам и обещаниям «правительства национальной измены»!

Тот день запомнился Луизе, словно счастливый, солнечный сон, без единого темного пятнышка. С какой радостной вестью явилась она в госпиталь и как там ликовали! Анри Фопэ ощупью нашел ее руку и поцеловал.

— Теперь можно умереть! Спасибо, милосердная Луизетта!..

А какое возбуждение царило в мэрии Монмартра и во вновь открывшихся клубах: все считали, что победа полная, окончательная. И лишь Ферре и Жаклар держались особого мнения.

Теофиль сказал:

— Боюсь, Луиза, до полной победы далеко. Говорят, что Бисмарк согласен вернуть Версалью взятых в плен под Седаном и в Меце. Вероятно, он вернет их вооруженными, а это четверть миллиона штыков! Ему так же хочется задушить парижскую революцию, как Тьеру и Фавру!

— Ой, какой же вы пессимист, Тео! — со смехом упрекнула Луиза. — Да что они смогут сделать, если Париж свободен, если на днях мы изберем Коммуну и она станет единственной властью в городе?!

Ферре с сомнением покачал головой:

— Не хотел бы я быть пророком, Луиза, но думаю, что нас ждет не одна смертельная схватка!

Луиза собралась возразить Теофилю с обычной своей горячностью, но тут к ним подошел Клемансо, мэр Монмартра.

— Наконец-то я поймал вас, мадемуазель Мишель! — воскликнул он, пожимая ей руку. — Неотложное дело!

— Слушаю, мосье Клемансо! Я готова выполнить все, что от меня потребует революция.

— Дело вот в чем, мадемуазель Мишель. Тысячи беспризорных детей бродят по Парижу, голодают и ночуют где придется. У многих отцы либо погибли, либо в плену. Мэрия округа решила позаботиться о несчастных. Так кому же, как не вам, руководить этим делом?!

— Я предпочла бы сражаться с оружием в руках, мосье Клемансо!

— Но дети — сражение за будущее Франции! Вы не имеете права отказываться!

— Я повинуюсь, гражданин Клемансо! Но оружие остается со мной!

В дни, предшествовавшие выборам в Коммуну, хозяином Парижа был Центральный комитет Национальной гвардии, куда вошли представители почти всех округов Парижа, выборные от двухсот тридцати пяти батальонов, лишь представители буржуазных округов не пожелали работать в нем.

Луиза хорошо знала многих избранных и верила в их неподкупность и честность, в их готовность отдать жизнь за будущую Коммуну. В одну из встреч с Ферре она сказала ему:

— Вы знаете, Тео, у меня ощущение, что я только что родилась, что лишь теперь началась настоящая жизнь.

И снова Теофиль саркастически усмехнулся:

— Вы не представляете себе, как подл и двуличен мир. Если у вас есть время, пойдёмте сейчас со мной. Согласны?

— Конечно, Тео!

Ферре повел Луизу к церкви Нотр-Дам-де-Виктуар. Они спустились с Монмартра и у церкви увидели огромную толпу. За ограду никого не пускали, в воротах несли караул вооруженные гвардейцы 159-го батальона. Командовал батальоном знакомый Ферре, будущий делегат и комиссар Коммуны Ле Муссю. Увидев Ферре, он разрешил ему и Луизе войти и присутствовать при раскопках, которые его батальон вел во дворе церкви.

Следом за Ферре Луиза прошла за церковную ограду.

Отставив шаспо, во дворе орудовали заступами национальные гвардейцы. По краям выкопанной ими длинной ямы лежали трупы — пять женских и один детский, судя по сохранившимся волосам — девочки. А у стены церкви под охраной гвардейцев стояли понурившись четыре священника.

— Я арестовал этих попов, — пояснил Ле Муссю, — и приказал им присутствовать при эксгумации! Пусть полюбуются на дела своих рук, подлые святоши! Если бы не мои гвардейцы, толпа растерзала бы их!

Ле Муссю рассказал Луизе и Ферре, что сегодня в подвалах монастыря Пикплюс, в предместье Сент-Антуан, занявшие его гвардейцы обнаружили трех женщин — оказывается, их держали в заточении под монастырем девять лет! Если к ним вернуться разум и память, они смогут многое открыть.

— Зачем вы меня привели сюда, Теофиль? — с горечью спросила Луиза.

— А затем, мадемуазель, чтобы вы увидели, — сколько у будущей Коммуны скрытых врагов. О, недаром Гюстав Марото писал в своей «Горе»: «Мы знаем, отчего красен каблук папской туфли!» И как тут не вспомнить летучую фразу о «бесстыдно-простом господстве меча и рясы!» Так что, дорогая Луиза, нас ждет серьезная борьба! В Версале Тьер и Винуа с благословения Бисмарка и Вильгельма формируют новую армию... Вот такие новости, мадемуазель...

Ле Муссю приказал запереть священников в подвале церкви.

— Будем всенародно судить их по законам Коммуны, — сказал он. — И пусть кто-нибудь посмеет сказать, что мы не правы!

Да, Луиза, наверно, все не так просто, как это недавно представлялось тебе. Около тридцати буржуазных газет, которые Центральный комитет почему-то не решается прикрыть, поливают комитет грязью и клеветой, и значительная часть Парижа, дрожащая за свою собственность, верит им. От буржуа и бывших сановников трудно ожидать, чтобы они приняли Коммуну.

В ту ночь она спала беспокойно, слова Теофиля не могли не посеять тревоги. На следующее утро кроме «своих», республиканских газет купила пачку буржуазных и прочитала очередной циркуляр Тьера:

«Президент Совета министров, глава исполнительной власти — префектам, начальникам дивизий, старшим председателям судов, генеральным прокурорам, архиепископам и епископам.

Правительство в полном составе собралось в Версале, Национальное собрание находится там же... Власти, как гражданские, так и военные, обязаны исполнять распоряжения лишь находящегося в Версале законного правительства, иначе они будут рассматриваться как мятежники...»

Да, Теофиль, как всегда, прав: гражданской войны не избежать. Береги ружье, Луиза, оно еще понадобится тебе!

Выборы в Коммуну состоялись в воскресенье двадцать шестого марта. Результаты стали известны через два дня, — такого праздника Париж не видел еще никогда. Среди множества людей, заполнивших Гревскую площадь перед Ратушей, были, конечно, и Луиза, и Мари, и Андре Лео, и Аня Жаклар.

О, с какой гордостью наблюдали они за мерной поступью гвардейских батальонов, вступавших на площадь под грохот барабанов и радостный гром оркестров! Впереди — знамена, увенчанные фригийскими колпаками, на дулах ружей развеваются красные ленты. Гревская площадь приветствует бойцов восторженными криками.

У центрального входа в Ратушу ночью возвели широкий помост, украсили его весенними цветами и флагами, в центре — белый бюст Республики с красным шарфом через плечо. В четыре часа пополудни на помосте появились члены Коммуны, среди них — Ферре и Риго.

— Вот видишь, Луизетта, Большие Гавроши встали у кормила власти! — заметила Мари, размахивая букетом ранних цветов. Сотни букетов летели на помост, куда под гром оркестров один за другим поднимались члены Коммуны.

Но вот смолкли залпы салюта, и на край помоста вышел Габриель Ранвье с листом бумаги в руке.

— Именем народа — да здравствует Коммуна! — торжественно объявил он, поднимая бумагу над головой. — Граждане свободного Парижа! Разрешите огласить имена избранных вами делегатов!

Он громко произносил имена коммунаров, и каждое из них встречалось грохотом аплодисментов:

— Варлен, Бланки, Флуранс, Лефрансе, Делеклюз, Ферре, Верморель, Тейс, Пиа, Журд, Риго, Курбе, Гарибальди, Груссе, Валлес...

Торжественно стояли на помосте члены Коммуны, и, когда называлось очередное имя, названный делал шаг вперед и приветствовал народ поднятыми словно для клятвы руками.

Да, то был день ликования, и Луиза жалела, что мать не видит праздничной церемонии: Марианна осталась с беспризорными детьми, которых Луиза успела подобрать на улицах и разместить в классах своей пустующей школы.

Поздно вечером, вернувшись домой, Луиза рассказала матери все, чему была свидетельницей, и прочитала ей очерк Жюль Валлеса в экстренном выпуске «Крика народа».

Валлес описал события на Гревской площади так ярко, что Луизе ничего не хотелось к его словам добавлять.

«Какой день!

Это нежное и ясное солнце, золотящее жерла пушек, аромат букетов, трепет знамен, рокот этой революции, которая движется, величавая и прекрасная, как голубая река, этот трепет, эти отблески, этот гром медных труб, этот отсвет бронзы, этот пламень надежд, это сияние славы — есть от чего проникнуться гордостью и радостью победоносной армии республиканцев.

О великий Париж!

...Что бы ни случилось, даже если мы снова будем повержены и погибнем завтра, — наше поколение утешено. Мы вознаграждены за двадцать лет поражений и страданий.

Горнисты, трубите! Барабанщики, бейте «встречу»!

Обними меня, товарищ, ты так же убелен сединой, как и я! И ты, мальчуган, играющий шариками за баррикадой, подойди, чтобы я мог обнять и тебя!

Восемнадцатое марта спасло тебя, сорванец! Ты должен был, как и мы, расти среди тумана, утопать в грязи, истекать кровью, изнывать в позоре, в невыразимой скорби обездоленных!

Теперь с этим покончено!

Мы за тебя проливали кровь и слезы. Ты унаследуешь наши завоевания. Сын отверженных, ты будешь свободным человеком!»

Луиза читала эти звенящие строки, и ей казалось, что они адресованы именно вот этим спящим маленьким гражданам парижских подворотен, отдавшим за Коммуну самое дорогое, что у них было: отцов и матерей. И пусть гибель близких произошла без их на то согласия и против их воли, они представлялись Луизе маленькими героями...

За праздниками неизбежно следуют будни, а будни Коммуны были суровыми и трудными. Вражеская блокада железной петлей стягивала город, душила, грозила в случае длительной осады голодной смертью, лишь южные форты — Иври, Бисетр, Монруж, Ванв и Исси — остались в руках федератов⁸. Версальская армия, состоявшая вначале из сорока тысяч человек, быстро росла: Вильгельм и Бисмарк возвращали Тьеру плененные в ходе войны дивизии. Вскоре в рядах версальцев насчитывалось около ста тридцати тысяч солдат.

Промедление с выступлением против врага оказалось для Коммуны первой ступенькой к гибели. Лишь третьего апреля, через две недели после переворота, четыре легиона Национальной гвардии двинулись в поход на Версаль, но и эта запоздалая вылазка была лишь ответом на коварное нападение версальцев, совершенное накануне.

Перед тем как уйти из дому, Луиза сделала в дневнике последнюю торопливую запись:

«Сегодня, второго апреля, Париж разбужен пушечными залпами. Сначала мы подумали, что у пруссаков, окруживших город, какой-то праздник, но, выбежав на улицу, я узнала: это Версаль начал обстреливать Париж. Какие сволочи! В Нейи по дороге в церковь убито шесть девочек-учениц. В соседний дом привезли раненого гвардейца, он рассказывает, что на Париж идут две армии: одна через Монтрету и Вокресон, другая — через Рюйоль и Наншерр. Я беру ружье и ухожу, я не могу более оставаться в стороне».

Марианна обняла Луизу, сказала со слезами:

— Береги себя, доченька! Ты у меня одна!

В штабе 61-го батальона Луиза узнала, что получен приказ: ночью всем явиться с оружием на Марсово поле. Забегав к Натали Лемель, оставила до вечера ружье и заторопилась в Ратушу — повидать Теофиля, поговорить. К счастью, встретила его на площади, он направлялся перекусить в соседний кабачок. Теофиль подтвердил: да, выступление на Версаль назначено на завтрашнее утро. Он был вне себя:

— Эх, если бы восемнадцатого марта сразу кинулись в погоню, мы раздавили бы гадючье гнездо тогда же! А теперь... Ах, как сейчас необходим Бланки!

— Но где же он? Он же избран в Коммуну!

— Увы! Версальцам удалось схватить Старика на юге Франции семнадцатого марта, как раз накануне Коммуны! Он в тюрьме Фижак.

Нахмурившись, Теофиль замолчал, Луиза с грустью смотрела на ввалившиеся щеки, на топкие, худые пальцы.

— Отражение военного нападения, Луиза, далеко не единственная наша забота. Беда в том, что почти ни у кого из нас нет опыта управления таким гигантским и сложным организмом, как Париж. В Коммуну избраны честнейшие люди, но это — простые рабочие, служащие, журналисты, писатели! Откуда у них опыт управления? А дел по горло! Необходимо было в первый же день вскрыть банковские сейфы, взять деньги. Сейчас представитель Финансовой комиссии Журд жалуется, что ему нечем выплачивать национальным гвардейцам даже жалкие тридцать су в день! А по Парижу снуют переодетые в форму национальных гвардейцев версальские шпионы. Мы с Раулем работаем в Комитете общественной безопасности. Вы не представляете, Луиза, с какими мерзавцами приходится каждый день сталкиваться! Мы отделили церковь от государства, но подлецы в сутанах и монашеских рясах продолжают свое черное дело! А мы слишком многое им прощаем!

— Но ведь Коммуна и должна быть милосердной!

Теофиль ядовито усмехнулся:

— А вы не помните, мадемуазель, кто вызывался собственной рукой прикончить карлика Футрике, то есть Тьера?

— О, я бы и сейчас убила эту гадину не задумываясь!

— А как же милосердие? — расхохотался Ферре. Но тут же лицо его потемнело, он задумался. — Кстати, о жестокости и милосердии! — Он достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги. — Вот полюбуйте, как обращаются с пленными федератами в Версале. Заявление передал сегодня на заседание Коммуны гражданин Баррер. Читайте!

И Луиза прочитала:

— «Я приехал из Версаля возмущенный ужасами, которые там увидел своими глазами. С пленными в Версале обращаются невероятно жестоко. Я видел несколько человек, окровавленных, с оторванными ушами, с лицом и шеей, изодранными точно когтями диких зверей...»

Вскинув глаза, Луиза посмотрела на Теофиля. И продолжала читать:

— «Военно-полевой суд заседает непрерывно, смерть сотнями косит наших сограждан, попавших в плен. Подвалы, в которые их бросают, — ужасающие ямы, доверенные попечению садистов-жандармов...»

Луиза с отвращением отодвинула исписанный листок.

— Ужасно, Тео!

— Зато правда! А показываю я вам сие, Луиза, чтобы вы там, в бою, проявляя свой неукротимый темперамент, не лезли на рожон. Они и с женщинами расправляются беспощадно.

Луиза едва заметно покраснела: значит, он все же думает, заботится о ней, но ответила непреклонно:

— Я ничего не боюсь! Я буду там, где будет мой батальон!

Ферре торопливо глянул на часы.

— А теперь извините, Луиза, мне пора. Сейчас обсуждаем декрет об аресте в качестве заложников архиепископа парижского Дарбуа и главных его помощников! И если в Версале не прекратят издевательств над пленными федератами, клянусь жизнью, Луиза, я добьюсь их расстрела.

В кабачок ворвался, размахивая прокламацией, Рауль Риго.

— Привет и равенство, гражданка Луиза! Полюбуйся, Теофиль, какую подлую писанину распространяют по Парижу шпики Тьера и Галифе! Читай!

Ферре прочитал вслух, так чтобы могла слышать и Луиза:

— «Война начата парижскими бандами. Вчера и сегодня они убили у меня солдат. Я объявляю этим убийцам непрерывную и беспощадную войну... Не забывайте, что страна, закон и право на стороне Версаля и Национального собрания, а не того сброда, который именует себя Коммуной. Генерал, начальник бригады Галифе».

— Какой сукин сын! — не удержалась Луиза.

— Они все одинаковы! — буркнул, прощаясь, Ферре.

Они с Риго ушли, а Луиза решила съездить в мэрию

Монмартра и сообщить Клемансо, что оставляет школу и уходит с батальоном.

Выслушав Луизу, Клемансо горестно покачал головой:

— Ах, мадемуазель Мишель! Но что же мы будем делать, если все женщины последуют вашему примеру?! Так много дел — голова идет кругом! Школы изъяты из-под опеки церковных конгрегаций, вводим всеобщее обязательное обучение! Коммуна усыновила сирот, отцы которых пали в сражениях с Версалем...

— Я не могу поступить иначе, господин мэр, — твердо возразила Луиза. — Порученных мне детей я оставляю на надежных помощниц, за них я ручаюсь! Кто-то же должен защищать Коммуну с оружием в руках! А я достаточно сильна для этого!

Ночь стояла безоблачная. Полная лупа бронзовым светом обливала сиреневые громады дворцов и соборов Парижа, блестела на камнях набережных, отражалась в платиновой воде Сены. Вдалеке бухали версальские пушки.

Батальон Луизы прибыл на Марсово поле одним из первых. До выступления, назначенного на три часа утра, оставалось порядочно времени, и Луиза прошла до Сены, постояла на Иенском мосту, под которым искрилась и переливалась лунная рябь. По мосту, гулко топая, шли с пенъем «Марсельезы» на Марсово поле батальоны.

Она приветствовала проходящих мимо гвардейцев, размахивая своим кепи, старалась запомнить только что возникшие стихотворные строки:

“Трубный звук раздается в таинственном мраке.
Много товарищей пойдут туда вместе со мною.
Чу! Чьи-то тяжелые шаги.
Это идет человечество будущего; с ним пойду и я.

И заторопилась назад. К счастью, переключки еще не было, старик Луи Моро, рядом с которым она шла сюда с Монмартра, успокоил ее:

— Не тревожьтесь, мадемуазель Мишель: выступать будем не раньше чем через час. Дайте-ка мне ваше ружьецо. Э, да оно совсем старенькое, охотничье! А у меня в запасе есть карабинчик «Ремингтон», который, как мне кажется, придется вам и по руке и по душе. Возьмите!

— Значит, у вас два?! — удивилась Луиза. — Где же вы раздобыли?

— А уж это мой стариковский секрет, мадемуазель! — хитро посмеялся Моро. — Садитесь-ка вот сюда, на бордюрный камешек, отдохнем перед походом.

Луиза присела рядом с ним.

— Что слышно о Марселе и Лионе, мадемуазель Мишель? — спросил Моро, доставая трубочку. — Держатся там коммунары?

— О, мосье Моро, вы задаете тяжелый вопрос! Коммуна Лиона продержалась три дня, до двадцать пятого. В Тулузе и Крезе наших разгромили двадцать седьмого. Но Марсель еще держится...

Загремевшие барабаны и запевшие горны не дали им договорить.

— Ба-та-ль-оны-ы-ы! Стройся!

Гвардейцы вскакивали, разбирали ружья и карабины.

Блестела в лунном свете сталь штыков. Смолкли разговоры, шутки и смех, слышался лишь сгук прикладов о землю и топот гофидьют9.

61-й батальон влился в колонну, двинувшуюся под командой Эда на юг, а легион Флуранса направили к форту Мон-Валерьен, занятый версальцами еще двадцать первого марта.

Одни за другим покидали батальоны Марсово поле. Громкое пение «Марсельезы» будило Париж, хлопали форточки и окна, из подъездов выбегали мальчишки и женщины.

Батальон Луизы остановили у форта Исси, и, хотя многих удивила задержка, никто не роптал, — видимо, остановка вызвана необходимостью. Остаток ночи Луиза и ее товарищи провели в иезуитском монастыре, расположенном рядом с фортом. Монахи покинули монастырь в страхе перед надвигающимися боями.

На рассвете Луиза обошла форт. Зубчатые степы и башни выглядели словно иллюстрации к старинной сказке, в розовом свете занимающегося дня они были просто великолепны, даже брешь, пробитая снарядами, не портила, а как бы даже украшала их. По истертым каменным ступеням Луиза поднялась на одну из башен, — часовые бодрствовали, наблюдая за опушкой зеленевшего невдалеке Медонского леса. Один из них пояснил Луизе, что часть леса вырубил еще при первой, прусской, осаде, чтобы затруднить наступление врага.

— Беда, мадемуазель, снарядов у нас маловато! — вздохнул часовой.

Вернувшись с восходом солнца в монастырь, Луиза выпила из жестяной манерки свою порцию кофе и съела сухарь — завтрак коммунаров.

Вскоре они получили приказ закрепиться в местечке Кламар неподалеку от леса, — вокзал Кламара непрерывно обстреливался версальцами из орудий и митральез. Незадолго до получения приказа в форт прибыла делегация женщин с простреленным пулями красным знаменем, они хранили его со дня подписания перемирия.

Вместе с другими женщинами в Исси пришла давняя подруга Луизы Викторина Эд, ее привело сюда не только чувство патриотизма, но и тревога за брата, возглавлявшего легион. Передав знамя батальону, почти все женщины остались в лазарете форта.

Кламар — верстах в трех от форта, батальон прибыл туда в начале дня. Пригород оказался почти безлюден, во многих местах полыхали пожары, вызванные зажигательными снарядами, зарево Луиза видела и ночью. Часть батальона под командованием Луизы направили на оборону вокзала, — ему здорово доставалось от пушек врага. Луиза расположила людей у окон и пробитых снарядами брешей: отсюда хорошо просматривалось пространство между городком и лесом. Гвардейцы вели себя спокойно, но один толстенький человечек, вступивший в Национальную гвардию, как выяснилось, лишь для того, чтобы порисоваться перед молоденькой женой, трусил безбожно, вздрагивал и бледнел при каждом разрыве. Так противно было видеть его дрожащие руки и губы, что Луиза решила избавиться от него. На вырванном из записной книжки листке написала Эмилю Эду, с которым была хорошо знакома.

«Милый Эд! Не можете ли вы отправить этого дурака в Париж? Тут он только наводит мне панику... Будьте добры, уберите его. Л. Мишель».

Ночью молодой торговец с большими голубыми глазами, похожий на деревенскую девушку, принялся уверять Луизу, что им следует сдать Кламар, поднять над крышей вокзала белый флаг, — в таком случае им сохранят жизнь.

— Вы изменник и трус! — безжалостно бросила ему Луиза. — Да вы знаете, как они пытаются и мучают федератов, попавших в плен?!

— Это тех, кого берут с оружием в руках! — упорствовал трус. — Возьмите для флага мою рубашку!

— Негодяй! — взорвалась Луиза. — Посмейте сделать что-либо за моей спиной — и я пристрелю вас как собачонку! Или взорву вокзал вместе с собой и вами!

Выхватив из единственного в здании фонаря горящую свечу, она направилась к помещению, где хранились запасы пороха и картечи для митральез.

— Сейчас же отправляйтесь к орудию, ваше место там!

В ужасе оглядываясь на нее, молодой человек побежал к двери. Луиза наблюдала через окно, как он, согнувшись, пробирался к митральезе, чтобы укрыться за ее железным щитом. Однако утром, пройдя по батарее, Луиза его не обнаружила.

— Он, наверно, есть дезертир, — сказал Луизе Томми, единственный в батальоне негр, блестя в улыбке белыми, крупными зубами. — Сейчас он держится за мамин подол! А вы, мадемуазель Мишель, — смелый друг!

Позднее Луиза то и дело убеждалась, что самыми отважными солдатами Коммуны являлись рабочие, недаром же Монмартрский округ дал более двадцати тысяч гвардейцев, в то время как аристократический шестнадцатый округ — в сорок раз меньше.

Наблюдая своих товарищей, Луиза не раз вспоминала статью «Солдаты идеи», где Андре Лео писала: «Когда пробегаешь список наших убитых и раненых, жгучая боль сжимает сердце. Возле имени каждого стоит обозначение его профессии: Никола Шатлен, сапожник, четверо детей; Марсэ, кузнец; Луи Даниель, каменотес, двое детей; Луи Эно, столяр, четверо детей; Ютт, чернорабочий, и так далее. Сражается главным образом рабочий. Солдат нынешней революции — народ».

За два месяца боев Луиза и сама не однажды проявляла храбрость и бесстрашие, вела себя так, словно была заговорена от пуль, от осколков, от картечи. И пачалось это там же, в Кламаре.

...В тот день версальские батареи вели по Кламару сильный огонь и под его прикрытием бросили на развалины и баррикады городка два отборных полка. Федераты не смогли устоять и отошли под защиту пушек форта Исси. Окруженная пламенем разрывов, Луиза вынесла из боя раненого старика Моро, хотя он умолял оставить его:

— Я стар, мадемуазель Мишель, и мне не страшны ни смерть, ни пытки. А вы молодая, вам — жить!

— Помолчите, Моро! Я не могу бросить вас на растерзание!

Да, она сражалась наравне с мужчинами, несла караулы и спала в ночь по два-три часа, бинтовала раны, сидела возле умирающих, хоронила мертвых. Именно здесь ее впервые назвали «Красной девой Монмартра».

Больше месяца батальоны Монмартра удерживали форт Исси, и лишь девятого мая версальцам удалось выбить его защитников. Поредевший 61-й батальон отступил к форту Ванв, по которому версальские орудия били прямой наводкой с плато Шатийон.

В Ванв Луиза узнала о трагедии, разыгравшейся на Шатийоне в начале апреля. Батальоны Дюваля были окружены на плато полками жандармов. После отчаянных попыток пробиться к фортам, Дюваль, желая спасти жизнь оставшимся гвардейцам, вступил в переговоры с жандармским полковником и, получив заверение, что всем пленным — а их было около двух тысяч — будет сохранена жизнь, приказал подчиненным сдать оружие. И когда федераты сложили шаспо и сабли, все они до одного были застрелены, заколоты штыками. Дюваль и командира отряда добровольцев, сражавшегося вместе с ним, обезоружив, отогнали в сторону, — сквозь строй палачей они наблюдали смерть товарищей. Дюваль поседел за этот час. Скоро по приказу генерала Винуа и их расстреляли.

Здесь же, в Ванв, Луиза услышала о трагической гибели Флуранса под фортом Мон-Валерьен, но подробностей никто не знал. В ответ на убийство Флуранса ветераны Бельвиля создали добровольческий отряд «Мстители Флуранса», и не одна жандармская голова слетела с плеч, провожаемая криком: «Это тебе за Гюстава, сволочь!»

В течение апреля и мая, до генерального наступления версальцев на Париж, Луизе лишь дважды удалось побывать в Париже, хотя она истомилась от желания повидать мать, встретиться с Теофилом, услышать новости.

Когда после разгрома форта Исси она перешла в Монруж под командование Ла Сесилиа, он отправил ее в Военную комиссию с требованием доставить патроны для ружей, порох и ядра для крепостных орудий. Передав требование, Луиза пешком добралась до улицы Удо — фиакры исчезли из обихода Парижа, обняла расплакавшуюся Марианну.

— Ты жива, доченька?! — бормотала та сквозь слезы. — Жива! А кругом такие ужасы рассказывают про их зверства, просто волосы дыбом! Хоть бы изредка весточку посылала!

Кое-как успокоив мать, Луиза пошла с ней в школу, где жили сироты. Мэр Клемансо выполнял обещание — дети были сыты.

— Одна беда, Луизетта, — жаловалась Марианна, — их невозможно удержать, все рвутся туда, к фортам, на баррикады! Убегают и являются раз в два-три дня — поесть. Вот полюбуюсь на Жака Треяра, пропал три дня!

<...>

На прощание Марианна рассказала, что недавно водила свою «команду» на бульвар Вольтера, где сожгли гильотину.

Теофиля Луиза застала в одном из кабинетов Ратуши, он еще более похудел, но глаза пылали непримиримо. Он обрадовался Луизе, и на нее нахлынула волна благодарной нежности.

— Чем заняты, Тео?

— Готовлюсь к заседанию Коммуны.

— Чем-то недовольны?

— А-а, — Ферре раздраженно махнул рукой. — Нет единства, Луиза! Раскололись на «большинство» и «меньшинство», одни тянут в одну сторону, другие — в другую. Версальцы убивают наших пленных тысячами, а я не могу расстрелять одного монсеньора Дарбуа, хотя он сто раз заслужил смерть! Будь моя воля, я бы не расстреливал этих лицемеров в сутанах, расстрел — слишком благородная для них казнь. Я вешал бы их на грязных веревках!

Луиза никогда не видела Теофиля таким ожесточенным.

— А о чем совещаться?

— Да множество дел! О продуктах, о строительстве баррикад, о памятнике Флурансу...

— Вам, Тео, известны подробности его гибели?

— О да! Он умер мужественно, как и прожил всю жизнь. Вы, наверно, знаете, он боролся за освобождение Крита от турок, выступал против бонапартовского вторжения в Рим, десятки раз сидел в тюрьмах. И в предсмертный час он не струсил!

— Как же это случилось?

— Во всем виноват проклятый пьяница Люлье! Он заверил Военную комиссию, что форт Мон-Валерьен сохранит нейтралитет, и форт подпустил федератов Флуранса под стены. И вдруг открыл по ним орудийный и ружейный огонь. За подобную провокацию полагается расстреливать без суда, а Люлье посадили на гауптвахту, откуда он через два дня спокойненько удрал! — Ферре нервно откусил кончик сигары, торопливо закурил, — Когда федераты отступили от Мон-Валерьена, Флуранс и его адъютант Чиприани укрылись в гостиничке некоего Лекока, а этот мерзавец выдал их жандармам. Ну, схватили! При обыске нашли в кармане письмо: «Г-ну Флурансу. Париж, улица д'Агэссо». Жандармы возликовали: сам Флуранс, несказанная любовь Бельвиля, попал им в лапы! И капитан Демаре саблей рассек череп Гюстава. Мозг вылетел на землю... Один из скотов осмелился пнуть этот великолепный мозг ногой, захохотав: «Вот чем он думал про свою поганую Коммуну, болван!»

Помолчали, Луиза спросила:

— Откуда подробности?

— Да ведь бельвильские мальчишки бегали за Гюставом как привязанные, все были влюблены в него. Они и видели! Пришли сюда и рассказали.

— Он был выдающимся ученым, — вздохнула Луиза. — Какие великолепные лекции по естественной истории читал он в Коллеж-де-Франс!

— А сего ученого швырнули на телегу, что возит навоз, на его тело взвалили тяжело раненного Чиприани и увезли в версальское логово. О, сегодня я постараюсь добиться расстрела монсеньора Дарбуа и его дружков! Гюстав и Дюваль не останутся неотомщенными! Клянусь! Мы с Раулем на каждом заседании настаиваем на применении террора к заложникам, но слишком много в Коммуне мягких душ!

Луиза промолчала, кусая губы.

Ферре выдвинул ящик письменного стола, достал небольшой кусочек белого картона.

— Приходите шестнадцатого на Вандомскую площадь любоваться, как рухнет колонна. Этот символ жестокой силы и ложной славы! Вот пропуск!

И опять помолчали.

— А как вы, Луиза? — спросил Ферре.

— А, мне осточертело воевать из-за каменных стен форта. Хочется открытого боя, лицом к лицу. Если комиссар Коммуны разрешит, пойду на баррикады, в батальон того же Жаклара, там, наверно, не сидят без дела.

— Неугомонная вы душа, Луиза! И извините, мне пора! Итак, шестнадцатого у императорской колонны.

— Да! А как Мари, Тео? Я не виделась с ней целую вечность!

Ферре помрачнел.

— Мари больна, Луиза. Вторую неделю. Вы навестили бы.

— Обязательно, Тео!

Луиза побывала в редакции «Социаль», повидалась с Андре Лео, передала ей статью о боях за форты Исси и Ванв. Вечером забежала к старикам Ферре, но с Мари разговаривать не пришлось: девушку мучил жесточайший приступ лихорадки. Луиза посидела возле больной, подержала ее пылающую руку.

— Так обидно, — шептала запекшимися губами Мари. — Все сражаются, а я не могу доковылять до порога!

— Как Рауль? — спросила Луиза.

— Работает день и ночь. Прокурор Коммуны!

— Передай привет, когда увидишь!

Дом Ферре Луиза оставила с тяжелым сердцем: она ничем не могла помочь Мари.

День шестнадцатого мая, или двадцать шестого флореаля — по календарю Республики, стоял удивительно солнечный и ясный, если бы не грохот версальских пушек, можно было бы порадоваться изобилию тепла и света.

Луиза пришла на площадь вместе с Аней Жаклар и Андре Лео. Аня привела с собой еще одну русскую, Елизавету Дмитриеву, темноглазую и стройную красавицу, приехавшую в Париж по поручению Маркса — информировать его о ходе борьбы. В отваге русская красавица не уступала самой Луизе Мишель и сразу же пришлась ей по душе. Не спеша женщины обошли площадь, постояли у кабестана — от него к бронзовой фигуре Наполеона на вершине колонны тянулись пять или шесть канатов. На стенах белел расклеенный декрет Коммуны:

«День двадцать шестого флореаля будет славным и истории, так как знаменует наш разрыв с милитаризмом, кровавым отрицанием всяких прав человека.

Первый Бонапарт принес в жертву своей ненасытной жажде господства миллионы детей парода. Он задушил Республику, сперва поклявшись защищать ее. Он хотел заклепать ошейник на шее народа, чтобы тщеславно царствовать одному среди всеобщего унижения.

Пусть каждый твердо знает: колонны, которые воздвигнет Коммуна, никогда не прославят какого-нибудь исторического разбойника, но запечатлеют в памяти потомства славные завоевания в области науки, труда или в достижении свободы.

С этого момента Вандомская площадь будет называться Международной».

Наблюдать за свержением колонны явились многие члены Коммуны, они стояли на балконе министерства юстиции, опоясанные красными шарфами с золотыми кистями. Красные флаги трепетали на балконах. Духовые оркестры легионов играли «Марсельезу» и «Карманьолу».

В начале улицы Мира, в сторону которой канаты должны были повалить бронзовую громадину, у дверей кабачка Луиза увидела Курбе. Несмотря на солнечный день, он надел синий редингот. Как всегда, художник был громогласен и немного хмелен, тут же стояли редакторы «Папаши Дюшена» Вермерш и Вийом.

— Они грозятся меня убить, мадемуазель Мишель! — прокричал Курбе Луизе вместо приветствия и, повернувшись, погрозил суковатой палкой группе наполеоновских ветеранов, — они пришли в траурных повязках на рукавах парадных мундиров, нацепив ордена и регалии. — Читайте, что передал мне один из этих хлюстов!

Курбе протянул Луизе скомканный лист бумаги.

— «В тот день, когда мой император падет со своего пьедестала, оборвется нить твоей жизни, презренный убийца! Ты тоже настаивал на свержении!»

И Курбе, торжествуя, прокричал на всю площадь:

— Да если эти плюгавые и замшелые старикашки нападут на Курбе целым легионом, он успеет своей палкой проломить не одну дурацкую башку. А в сем кабачке пируют друзья великого Курбе, они помогут ему.

Наконец, приглушенные громом оркестров и шумом многотысячной толпы, прозвучали слова команды. Луиза не расслышала их, а догадалась по тревожной дробь барабанов, обычно такую дробь барабанщики выбивают во время публичных казней. Подчиняясь взмаху руки дирижера, оркестры все вместе грянули «Марсельезу».

На самый верх колонны по внутреннему лазу поднялся майор Симон Мейер. Ему поручили снять с вершины водруженный там восемнадцатого марта красный флаг Коммуны и заменить трехцветным флагом Империи, — продемонстрировать его падением крушение ненавистного режима.

Наматываясь на кабестан, канаты натягивались точно гигантские струны, — увлекаемая ими, подрубленная со стороны улицы Мира колонна должна свалиться на специально насыпанную песчаную подушку.

Напряжение на площади и в прилегающих улицах возрастало по мере того, как канаты натягивались, по вдруг... один из канатов с пушечным гулом лопнул, следом порвались и остальные. Концы канатов, привязанные к вершине колонны, отлетели к ней, а обрывки, прикрепленные к кабестану, извиваясь, словно чудовищные змеи, хлестнули толпу. Музыка смолкла, и площадь ахнула будто одной грудью. Лишь престарелые наполеоновские ветераны рукоплескали, восторженно крича:

— Виват, император! Виват, Наполеон!

— Мало подрубили уродину! — раздавались голоса.

Прошло не менее двух часов, прежде чем привезли новые канаты, и гвардейцы, поднявшись на вершину колонны, снова укрепили их вокруг ног бронзовой фигуры цезаря девятнадцатого века. «Как поразительна у иных жажда единовластия и как страшна, — думала Луиза. — В миллионы и миллионы жизней обошлись человечеству атиллы и чингисханы, македонские и наполеоны всех мастей, даже такие сморчки, как Баденге».

За два часа ожидания никто не ушел с площади. Поклонники Наполеона ликовали, утверждая, что отлитая из металла вражеских пушек колонна и не может быть повалена, ибо венчает военную славу и гордость Франции. Луиза насмешливо крикнула, обращаясь к одному из генералов:

— А вы, мосье, подойдите к колонне и загляните в щель подруба со стороны улицы Мира. Эта уродина сложена из желтого песчаника, а металлическая облицовка не толще двух

сантиметров! Вы, мосье...

Курбе не дал Луизе договорить:

— Да бросьте вы их, мадемуазель! Воспользуемся перерывом и утолим жажду! Пойдемте!

Он утащил Луизу в кабачок, из окон которого была видна вся площадь, — там и расположились художники. Многих прежних друзей, в том числе и Камилла, Луиза здесь не нашла, но, однако, были и знакомые: в мастерской Курбе она встречала и Франсуа Милле, и художника по тканям Эжена Потье, и скульптора Жюля Далу, и кое-кого еще. Сейчас они обсуждали предложения Курбе, председателя Комиссии изящных искусств, по охране парижских сокровищ. Надежно защищены от снарядов кони Марли на Елисейских полях, барельефы Триумфальной арки, фонтан Невинных, под охрану взяты Лувр, Люксембургский музей, музей Гобеленов и музей Клюни.

— О, неистовый Гюстав знает, что делать, мадемуазель Мишель! — одобрительно воскликнул Эжен Потье, похлопав Курбе по массивному плечу. — И учтите, он лейтенант батальона Национальной гвардии! Но, к сожалению, полотна свои мэтр забросил!

Курбе решительно вскинул голову:

— Они могут воевать против нас хоть десять лет, но в Париж не войдут! А если мы это им позволим, Париж станет их могилой!

Он налил и подвинул Луизе стакан, и она, не смея отказаться, пригубила терпкое, горьковатое мартины. А Курбе залпом опорожнил кружку и, стукнув ею по столу, громогласно изрек:

— Слава дьяволу, вина у нас вдосталь, хотя по милости живоглотов Версаля мы жрем конину и черный хлеб!

И все же под обычной шумливостью Курбе угадывалась затаенная горечь.

— Вы чем-то огорчены, мэтр Гюстав?

Курбе мрачно кивнул:

— Вчера я проводил на Пер-Лашез Шарля Гюго, сына моего великого друга. Я разделяю его скорбь!

— Шарль умер?

— О да, мадемуазель! Отказало! — Курбе похлопал себя могучей ладонью по левой стороне груди. — Не могу передать, как потрясла Виктора эта утрата! На пути к Пер-Лашез бойцы разбирали баррикады, чтобы пропустить процессию! Тысячи, десятки тысяч людей!.. Но довольно о скорби, мадемуазель! Я привык делить с друзьями радости, а горести несу один!

И, разливая по бокалам вино, принялся рассказывать о делах Коммуны.

— Вчера я и мои друзья — Варлен, Валлес, Верморель, Бенуа Малон и другие, так называемое «меньшинство» — вышли из правительства Коммуны, мадемуазель! Мы возражаем против диктаторских притязаний Коммуны, считаем, что лишь народ представляет суверенную власть, а Коммуна — только представительница его! Она узурпирует власть народа, если пытается создать диктатуру! Хватит с нас диктатур!

Порывшись в глубочайших складках своего редингота, Курбе достал, набил и закурил трубку. Помолчав, Луиза вытащила из кармана смятый газетный лист. Это были «Версальские ведомости» трехнедельной давности.

— А что вы скажете на это, мэтр Гюстав?

Курбе медленно и мрачно прочитал вслух:

— «В этот момент мы ставим на карту Францию. Время ли сейчас заниматься литературными упражнениями? Нет, тысячу раз пет! Мы знаем цену этому красноречию. Поступайте, как поступали в подобных обстоятельствах великие энергические народы: «Не надо пленных!» Зачем вы носите в кармане такую мерзость?

— Они убивают наших пленных тысячами, словно скот на бойне! Я согласна с Ферре: на жестокость — жестокостью!

Через плечо сидевшего у окна Жюля Далу Луиза наблюдала за площадью. На вершине колонны, у подножия фигуры Наполеона, копошились маленькие человеческие фигурки, спускали оттуда новые канаты. Их протянули и прикрепили к кабестану.

Достав записную книжку, Луиза торопливо записала:

“ Тиран, взобравшийся на ходули!
Если бы вся кровь, которую ты пролил,
Могла собраться на этой площади,
Ты мог бы пить ее, не нагибаясь!

— Пора! Сейчас начнут!

И посетители кабачка поспешили к выходу. Канаты уже протягивались над толпой, и то тут, то там заключались пари: свалится ли на сей раз бронзовый идол? Канаты натянулись. Площадь умолкла, было слышно дыхание тысяч людей. Замолчали оркестры и барабаны, по пели «Марсельезу», лишь одинокий голос прозвучал там, где стояли ветераны:

— Держись, гений Франции! Стой, император!

Но вот вершина колонны вздрогнула, качнулась в сторону кабестана и, словно огромное дерево, подрубленное топорами дровосеков, стала опрокидываться.

— Падают! Рушится! — тысячами голосов загремела площадь.

От тяжеленного удара ухнула и вздрогнула земля. Металлическая облицовка с рельефным изображением победных сражений «маленького капрала» лопнула, и каменная туша колонны развалилась на глыбы, желтая пыль облаком поднялась над ними. А у бронзового идола, свалившегося с вершины, при ударе отскочила и откатилась к тротуару увенчанная лавровым венком голова. Отломилась и рука, державшая крылатую статую Победы.

Бронзовая голова, кивая надменным профилем, подкатилась к ногам Курбе и его друзей.

— Одно из знаменитых творений бездарного Огюста Дюмона! — прорычал Курбе, пнув обломок статуи носком башмака. — Лишь тем и занимался, дурак, что наряжал в римские тоги великих разбойников! Я предлагал демонтировать эту помпезную махину и установить ее в центре эспланады Дворца Инвалидов, тогда наполеоновские вояки, может, уразумели бы, благодаря кому заработали свои деревянные ноги!

Луиза оглянулась в сторону ветеранов, оттуда доносились сдавленные рыдания.

— Пойдемте, мадемуазель Мишель, здесь больше нечего делать. Не будем же мы подбирать на память бронзовый и каменный мусор!

Прямо с площади Луиза забежала к Мари. Девушке стало лучше, но слабость, вызванная неделями болезни, приковала ее к постели. Луиза рассказала о свержении колонны, о том, что в ответ на ультиматум Тьера Коммуна решила снести его особняк на площади Святого Георгия. Решено также разрушить и искупительную часовню Людовика Шестнадцатого.

А Версаль готовился к решающему штурму Парижа. Ежедневно из немецкого плена возвращались полки, а то и целые дивизии; новыми добровольцами пополнялись отряды бретонских мобилен; из соседних департаментов стягивались полицейские силы. По выражению одного журналиста, «городок так набит солдатней, что некуда плюнуть!».

Но кое-кто из членов Коммуны продолжал наивно верить, что Тьер и его банда не решатся начать междоусобную гражданскую войну перед лицом внешнего врага, оккупировавшего больше трети страны и стоявшего под степенями столицы. В Версале устраивали роскошные балы и пышные парады, празднуя взятие фортов Исси и Ванв, а в самих фортах велись спешные работы: пушки, недавно защищавшие Париж, теперь нацелились на город. В фортах устанавливали привезенные с побережья дальнобойные морские орудия.

На следующий день после свержения колонны взлетел на воздух патронный завод на улице Рапп. Риго утверждал, что взрыв — дело версальских агентов, и, хотя доказательств тому не нашли, никто не сомневался, что прокурор Коммуны нрав.

С разрешения Делеклюза, гражданского делегата по военным делам, Луиза не вернулась в 61-й батальон, стоявший после падения форта Ванв в форте Монруж, попросилась в легион, сражавшийся под началом Домбровского. Этот польский революционер, приговоренный в России к смертной казни за участие в восстании шестьдесят третьего года, руководил обороной западных окраин Парижа, а его друг Валерий Врублевский, тоже русский

смертник, оборонял юг.

«Да, в Нейи, кажется, жарко! — думала Луиза, пробираясь по перегороженным баррикадами и изрытым снарядами улицам. Каноада гремела по всему фронту. — Здесь я не буду чувствовать себя в мышеловке».

Она вздрагивала от негодования, вспоминая рассказ о зверском надругательстве версальцев над попавшей к ним в плен санитаркой федератов, о ее мученической гибели. О, как Луиза согласна с Теофилом: за смерть каждого пленного нужно расстреливать трех заложников, этих кровных врагов Коммуны — буржуа, попов и шпионов. «Вчера, — говорил Тео, — на заседании Коммуны опять до крика спорили о декрете пятого апреля. Но противники расстрела заложников твердят одно: «У Коммуны должны быть чистые руки! Мы не можем проливать кровь невинных, ведь заложники сами-то не проливали крови!» — «А монастырь Пикпюс забыли?! — крикнул Риго. — А Нотр-Дам-де-Виктуар? Это пострашнее, чем просто убийства!»

Да, в Нейи шел бой. Развороченные мостовые, пылающие гигантскими кострами дома. Горел и тот дом, откуда в январе прошлого года провожали в последний путь Виктора Нуара. А на баррикаде неподалеку Луиза с радостью увидела старых друзей: Аню Жаклар и Елизавету Дмитриеву, эти русские женщины тоже сражались с карабинами в руках. Над баррикадой трепетало простреленное во многих местах красное знамя.

Женщины расцеловались, — они не виделись с третьего апреля! Луизу забросали вопросами — как Мари? Тео? Рауль? — но у Луизы был срочный пакет Домбровскому.

— Где генерал?! Я сейчас же вернусь! Где штаб?! Хотя, погодите, должна же я подстрелить хотя бы одного мерзавца!

Приладив карабин между булыжниками баррикады, Луиза старательно прицелилась в смутно различимую сквозь дым пожара фигуру. Отдача выстрела привычно толкнула плечо, и одновременно тот, в кого целилась, судорожно выпрямился, взмахнул рукой и, роняя шаспо, опрокинулся навзничь.

— Есть! Отправился в преисподнюю! — Спрыгнув с камня, Луиза выхватила из кармана карандаш и с силой черкнула по прикладу карабина.

— Ого! — в один голос воскликнули Аня и Дмитриева, взглянув на ее отметки. — Вы изрядно потрудились, Луизетта!

— О, эти негодяи запомнят Луизу Мишель! Так где же Домбровский?

Ей объяснили:

— Главная штаб-квартира генерала — на Вандомской площади, а полевой штаб — в замке Ла-Мюэтт. Но сейчас он совещается с командирами батальонов здесь, в Нейи, в кирпичном двухэтажном особняке.

Луиза побежала туда, поднялась на второй этаж. Все окна в здании были выбиты взрывной волной.

У Домбровского шло совещание. Над разостланным на столе планом Парижа склонились головы в офицерских кепи, поблескивало серебро нашивок и галунов. Шарль Жаклар тоже оказался здесь — командовал 158-м батальоном. Он первый заметил появившуюся на пороге Луизу. Не удержался от удивленно-радостного восклицания, и, словно по команде, все столпившиеся у стола повернулись к двери.

— Это Красная дева Монмартра, генерал! — сказал Жаклар, шагая навстречу Луизе. — Она же — мадемуазель Мишель!

Луиза прошла к столу, протянула пакет:

— От гражданина Делеклюза, генерал!

Домбровский вскрыл пакет, пробежал глазами короткую записку. Пока читал, Луиза отошла к Жаклару, он с радостной и нежной силой пожал ей руку.

— Где пропадали, Луиза?

— Защищала форты Исси, Ванв, Монруж. Теперь попросилась к вам, — вероятно, именно здесь предстоят самые жестокие бои.

Оглянувшись, встретила взглядом с генералом, тот смотрел с пристальным вниманием.

— Вы правы, мадемуазель Мишель! Именно здесь! — Он постучал костяшками пальцев по очертаниям кварталов Нейи на плане Парижа. — Здесь! — И быстро оглядел командиров. — Совещание окончено! По местам, граждане! И помните, мы должны быть готовы к штурму! Нам обещают три резервных батальона. В случае крайней нужды пришлю подкрепление. Все!

Командиры разошлись, в кабинете остались только штабные офицеры, адъютанты и Жаклар, разговаривавший с Луизой.

Она снова поймала пристальный взгляд Домбровского.

— Вы что-то очень худы, Красная дева! — сказал он полушутя-полусерьезно. — Вы сегодня ели?

Луиза почувствовала, что краснеет.

— Не помню. Кажется, нет.

— Я так и полагал! Валериан! — Домбровский повернулся к светловолосому, синеглазому адъютанту, — У нас найдется чем накормить Красную деву?

— Конечно, генерал. Есть конина, хлеб, рыба.

Вероятно, лицо Луизы выражало удивление: в Париже было трудно с продуктами. Домбровский хмуρο пояснил:

— Я конфисковал в ресторанах и магазинах подчиненных мне округов все излишки! Не могу же я допустить, чтобы мои гвардейцы падали у баррикад в голодные обмороки! Пусть осудит меня, кто посмеет!

Адъютант генерала принес из соседней комнаты тарелку с мясом и хлебом, поставил на столик посреди комнаты, подальше от окон, за которыми гремели выстрелы и клубился дым.

— Побегу! — сказал Луизе Жаклар. — Дела.

— Я следом за вами — на баррикаду.

— Да, оставайся в батальоне! У меня уже десятка три таких героинь! Будешь воевать рядом с Аней. — Он и сам не заметил, как перешел в разговоре с Луизой на «ты».

Жаклар ушел, а Домбровский жестом пригласил Луизу к столику.

— Прошу! — И с укором добавил: — Валериан! А стакан вина! Или, может быть, мадемуазель...

— О, с радостью! Это так подкрепляет!

Появился и стакан вина.

— Да! — спохватился генерал. — Я не познакомил вас! Мой не только адъютант, но и друг Валериан Потапенко.

Пожимая руку молодому человеку, Луиза с удивлением отметила: «И этот русский. Видно, Россия — такой же пороховой революционный погреб, как моя Франция!»

Она с аппетитом не то завтракала, не то обедала и исподтишка наблюдала за Домбровским. Присев к столу, он писал донесение Делеклюзу, не обращая внимания на орудийный гром, на близкие разрывы снарядов, на щелканье пуль за окном. Но вот он встал.

— Валериан! Донесение отправить. А мне — коня! Объеду баррикады, через час — в Ла-Мюэтт. — И улыбнулся Луизе: — Подкрепились?

— Благодарю, генерал. — Она тоже встала. — С вашего разрешения, генерал, я поступаю в батальон Жаклара.

— Привет и братство! Мы еще увидимся, Красная дева!

Ей почудилось, что в обращении к ней — Красная дева! — звучит дружеская, благожелательная ирония, но, может быть, она и ошибалась.

Весь день между позициями Версаля и баррикадами Нейи шла артиллерийская и ружейная перестрелка, но потерь у федератов почти не было.

К вечеру на баррикаде появилась Андре Лео. «Социаль» требовалась статья о положении на фронтах, особенно на участке Домбровского, и Андре пешком пробиралась от баррикады к баррикаде. Генерала в полевом штабе она не застала, и ей пришлось удовлетвориться рассказом Луизы о разговоре с пим.

— Он полагает, что со дня на день следует ожидать штурма, — заключила Луиза свой коротенький репортаж. — И отметить в статье: версальцы непрерывно стреляют разрывными пулями и ядрами, начиненными керосином. Видишь, половина Нейи в огне.

Перед тем как уйти, Андре передала Луизе билет на концерт в Тюильри на воскресенье двадцать первого мая.

— Вырвись обязательно, Луизетта! — горячо советовала она. — В Тюильри прошли в мае три концерта — успех грандиозный, неопиcуемый! Весь сбор — в пользу раненых и их семей. Двадцать первого будут петь Агар из «Комеди Франсез», Розали Борда и Морно, они ведут себя на редкость мужественно, хотя реакционные парижские и версальские газеты грозят им страшными карами за помощь Коммуне. Посмотри, как ответила им Агар.

Андре Лео достала газетную вырезку. Известная всему миру певица напечатала открытое письмо Версалю: «Отправиться в Кайенну я готова, жду только новых подлостей с вашей стороны. Заверяю, что из-за угроз я не перестану содействовать всем, кто страждет. Для меня важно, что они в нужде и нищете!»

— Значит, верит в пашу победу! — заключила Луиза.

— Каждая честная душа верит в нее! — откликнулась Лео.

Они расстались, договорившись отыскать друг друга в воскресенье во дворце Тюильри. Луиза усмехнулась:

— Если к тому времени не начнется штурм! Тогда у нас здесь будет такой концерт, о-ля-ля, как говорит Мари!

К вечеру перестрелка затихла, и Луиза, Мари и Дмитриева, сменившись с поста, отправились в крошечное кафе перекусить. Домбровский запретил на подвластной ему территории продажу вина, и теперь по вечерам и в моменты затишья в кафе было почти пусто. Неподалеку догорал деревянный дом, отсветы пламени плясали на стеклах окон.

Луизе давно хотелось поближе познакомиться с Елизаветой Дмитриевой. Ее имя врезалось Луизе в память, когда она дней десять назад прочитала манифест Центрального комитета «Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым», — под этим манифестом рядом с

подписями Лемель и Лефевр стояла и подпись Дмитриевой. Конечно, если бы Луиза не сражалась на передовой, она принимала бы участие в работе комитета. Слова манифеста она запомнила, он начинался так:

«Во имя социальной революции, во имя завоевания прав на работу, равенство, справедливость «Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым» всеми силами протестует против позорной прокламации к гражданкам, расклеенной позавчера и исходящей от анонимной группы реакционеров. В прокламации сказано, что парижские женщины взывают к великодушию Версаля и просят мира. Нет, не мира, а войны без пощады требуют работницы Парижа. Ныне примирение равносильно измене!..»

Женщины заказали себе по скудной порции осадной еды и уселись у окна. И Луиза принялась расспрашивать Дмитриеву о ее прошлом, о жизни в России.

— О, для характеристики нравов моего милейшего отечества, Луиза, расскажу я вам всего один эпизод.

Мой отец был закоренелым крепостником, с крестьянами обращался жестоко, за малейшую провинность порол плетью и розгами, травил собаками и медведями. Не удивляйтесь, это вполне в духе матушки-Руси. И доведенные до отчаяния мужики — а случилось это еще при крепостном праве — решили его убить, ворвались в дом с вилами и топорами. Мать моя была из той же, из крестьянской, среды. При жизни первой жены отца она много лет прослужила в доме горничной, служанкой. В то время, о котором я рассказываю, она ходила беременная мной. Когда мужики ворвались, она принялась умолять крестьян, чтобы пощадили отца, — он, дескать, больше не будет таким жестоким. А мужики любили и уважали мою мать, называли ее своим ангелом-хранителем: она всегда за всех заступалась. И занесенные топоры опустились. «Ради тебя только, Наталья, мы не убьем его, по будь он проклят!» Вот после того случая отец наконец и обвенчался со своей спасительницей, то есть с моей матерью. А вскоре появилась на божий свет и я, ваша покорная слуга... — Дмитриева натужно, с какой-то даже мукой улыбнулась, — убедительный пример для характеристики нравов, не правда ли?

— Да кем он был, чем занимался?! — спросила пораженная Луиза. — Это же дикость!

— А был он помещиком, дворянином и военным, вышел в отставку в чине майора гусарского, царской лейб-гвардии полка.

Луиза с горечью подумала: а ведь чем-то схожа судьба матери Елизаветы с судьбой Марианны Мишель. Хотела спросить, как же Елизавете удалось вырваться из России, но на баррикаде загрохотал взрыв, раздались крики. Кинув хозяйке кафе несколько монеток, женщины заторопились на свои посты: может быть, начинается штурм!

Но нет, версальцы, видимо, еще не были готовы к решительному наступлению, на сей раз они ограничились двумя десятками выпущенных по Нейи снарядов. Правда, им удалось подбить один из бронепоездов, курсировавших по окружной дороге и прикрывавших баррикады огнем своих пушек.

На следующий день версальские орудия, стоявшие в Булонском лесу, били в основном по воротам Ла-Мюэтт, Отей, Сен-Клу, Пуэн-дю-Жур и Исси, и этот факт как бы подтверждал, что они готовятся к штурму: пробивают бреши для прорыва.

Пользуясь добрым отношением Домбровского, Луиза не раз забегала в штаб: узнать и передать товарищам по баррикаде последние новости. В штабе с нетерпением ждали подкрепления от Военной комиссии Коммуны и Центрального комитета Национальной гвардии, но там непонятно медлили.

Используя утреннюю передышку в перестрелке, Лунев заглянула в штаб на рассвете в воскресенье, в тот день, когда в Тюильри должен был состояться концерт. Что скрывать, ей чрезвычайно хотелось побывать там, с детства любила музыку, а теперь слышала только оглушительный грохот канонад.

Временами ее нестерпимо тянуло послушать музыку, поиграть самой, хотя бы прикоснуться пальцами к клавишам! И однажды не выдержала, как-то ночью забралась в полуразрушенную протестантскую церковь, села к органу и начала играть. Но через пять минут перед ней появился разгневанный офицер. «Как? — изумленно вскричал он. — Я спешил сюда расстрелять предателя, который сигнализирует врагам! А это — вы?!»

Домбровский казался мрачен, щеки ввалились, глаза покраснели. Он что-то писал на официальном бланке, молча взглянул на Луизу, показал на стул. Дописав, устало откинулся на спинку кресла, вытянул ноги в тяжелых, запыленных сапогах.

— Пришли узнать новости, мадемуазель Мишель?

— Да, генерал. Если, конечно, они есть.

Оп секунду подумал, с силой потер ладонью лоб и, махнув рукой, придвинул ей исписанный лист.

— Читайте. Я не вправе делать секрета из нашего положения.

Это было очередное донесение Делеклюзу:

«Несмотря на все мои усилия помешать им, неприятельские траншеи все приближаются. Часть крепостной стены от Пуэн-дю-Жур до Отей никем не охраняется, так как посылаемые туда батальоны тотчас же возвращаются в полном расстройстве... Неприятель усиливает осадные работы у ворот Сен-Клу, в 100 метрах от вала... Штурм города неминуем. Я получил 30 мортир, но у меня нет ни людей для их обслуживания, ни снарядов! В моем распоряжении не более 4 тысяч человек в Ла-Мюэтт, 200 в Нейи и столько же в Аньере и Сент-Уэне. Мне недостает артиллеристов и саперов. Положение требует усиления крепостных работ, которые одни могли бы отсрочить катастрофу...»

Луиза испытующе посмотрела на Домбровского: неужели он допускает, что Париж может быть побежден? Генерал без слов понял тревожный взгляд и отрицательно покачал головой:

— О нет, мадемуазель Мишель, я не допускаю мысли об этом. Но я хочу, чтобы в Комитете общественного спасения и Центральном комитете гвардии знали серьезность положения и помогли нам.

Луиза смущенно теребила в руках билет в Тюильри.

— Сейчас относительно спокойно, — нерешительно начала она. — Как полагаете, генерал: не могла бы я отлучиться на три-четыре часа? — И она положила билет перед Домбровским.

Он прочитал билет, посмотрел с грустной задумчивостью.

— Ах, с какой радостью я отправился бы с вами, мадемуазель! Но мой долг — оставаться с моими солдатами.

— Вы полагаете, штурм возможен сегодня?

Он неопределенно пожал плечами:

— Сие знает один господь бог, которого, кстати говоря, нет. Они коварны, господа тьеры и фавры, и нельзя забывать, что за их спиной стоят такие зубры, как Бисмарк и Мольтке... Но есть правило, мадемуазель: штурму предшествует яростная артиллерийская подготовка. Ее нет, слышите?.. Так что... Желая вам отдохнуть от музыки пушек и митральез! — И, вставая, он протянул через стол худую руку с длинными пальцами музыканта.

Отвечая на пожатие генерала, Луиза вспомнила сентябрь прошлого года. Тогда на собраниях граждан Лиона, восставших вслед за Парижем против Баденге, было предложено: просить Домбровского командовать только что созданным франко-польским партизанским легионом. Домбровский принял предложение, но не смог выбраться из Парижа: при попытке перейти линию фронта его задержал французский аванпост, обвинив в шпионаже и пользу Пруссии. С трудом добившись освобождения, он сделал еще одну попытку, по снова угодил в тюрьму. И наверно, просидел бы там долго, но на имя Гамбетты поступила депеша Гарибальди: «Гражданин! Мне нужен Ярослав Домбровский, живущий в Париже, на улице Вавэн, 52. Если сможете отправить его ко мне на воздушном шаре, я буду весьма признателен. Преданный вам Джузеппе Гарибальди». Эта депеша и освободила Домбровского, но выехать из Парижа ни на воздушном шаре, ни другим путем он не смог. Так сама судьба определила ему стать одним из защитников Парижской Коммуны.

Луиза, еще ощущая ладонью теплоту пожатия Домбровского, набралась смелости:

— Простите, генерал! За что вас так любят в Национальной гвардии?

Он помедлил с ответом, улыбнулся с оттенком торжества.

— А видимо, потому, мадемуазель, что я всегда готов разделить с любым солдатом и кусок хлеба, и смерть.

На секунду задумался, глядя на Луизу невидящим взглядом.

— Вспомнился капитан Тирар! Увидел, что в меня целится убийца, заслонил собой и получил пулю в грудь... А теперь, извините, дела!.. — Повернулся к адъютантам Потапенко и Рожаловскому, — Поехали! Надо побывать на бывшей Вандомской, как-никак я — комендант укреплений Парижа.

Луиза понимала нервозность и мрачность Домбровского. Вчера стало известно, что версальцы пытались его подкупить: за полтора миллиона франков ему предлагалось открыть западные ворота города. Домбровский тут предложил Коммуне: давайте, я впущу в город версальцев, а затем запру ворота и перебью их! Но для этого мне необходимо двадцать тысяч солдат. Коммуна согласилась с Домбровским, по провести его предложение в жизнь не пришлось: не успели собрать силы. Это обстоятельство могло угнетать генерала.

Убедившись, что попытка подкупить Домбровского провалилась, Тьер подсылал к нему убийц, но генерал был всегда окружен верными людьми, ни одно покушение не удалось.

Уходя от генерала, Луиза вспоминала слова Тьера: «Градом снарядов или градом золота, но мы задашим Париж!»

Зная об успехе предыдущих концертов в Тюильри, Луиза пришла во дворец задолго до начала. Но, несмотря на ранний час, театральный зал оказался полон.

В Тюильри Луиза побывала уже два раза: четвертого сентября, когда весть о седанской катастрофе подняла Париж на дыбы, и в незабываемый, пьянящий день провозглашения Коммуны. Но сегодня ее заново, словно видела впервые, ошеломила сказочная роскошь дворцовых анфилад и галереи, азиатская щедрость позолоты и инкрустаций, льдистое сверкание хрусталя, узоры цветного паркета, на который жалко ступать ногами в пропыленном годильоте. А ведь кто-то повседневно жил здесь, и для кого-то эта несказанная роскошь была будничной.

Толпа, наполнявшая залы и галереи, обрадовала Луизу. При империи в залах парижских театров она видела лишь сытую, чванливую и надменную публику — ненавистный для нее «высший свет». А сейчас во дворце собрались пролетарии Парижа и его национальные гвардейцы. Хотя было бы странно повстречать в эти дни на концерте промышленных и финансовых тузов Франции или прославленных великосветской прессой красавиц: более двухсот тысяч буржуа и чиновников империи сбежало под защиту версальских батарей.

Первой из знакомых, кого Луиза встретила в концертном зале, оказалась Андре Лео. Стоя в проходе между рядами заполненных кресел, она разговаривала с членом Коммуны Эдуардом Вайяном, — Луиза знала его по случайным встречам. Врач и инженер, а ныне глава Комиссии просвещения, человек с ясным, пытливым умом.

Поздоровавшись, Луиза остановилась возле, поглядывая по сторонам, надеясь отыскать Теофиля. Ей не хватало общения с ним, тепла его руки, звучания его то возмущенного, то иронического голоса, его взгляда. Краем уха слушала, что говорил Вайян.

— Конечно! При Империи цена билета равнялась стоимости месяца жизни целой семьи литейщика или бронзовщика, а ныне она по карману рядовому рабочему! Театры должны

быть доступны всем, дорогая Лео, а не только кучке снобов.

— Безусловно! — согласилась Андре.

— Надеюсь, наш великий изгнанник включен в репертуар? — вмешалась Луиза.

— Ну как же! «Жимназ» уже репетирует «Эрнани» Гюго. Кстати, «Жимназ» — единственный театр, который продолжает при Коммуне работать без перебоев. «Гранд-Опера» и «Комеди Франсез» саботировали, пока мы не убрали прежнее руководство. То, видите ли, у них нет денег, то актеров, то музыкантов. Восьмого числа мы выгнали одного из самых злостных саботажников, директора «Гранд-Опера», этого упитанного лакея буржуазии, Эмиля Перрена. Театром стал руководить молодой певец Эжен Гарнье. И что же? Дело идет!

Вайян продолжал излагать театральную политику Коммуны, но Луиза не слушала: от центрального входа пробирался, раздвигая локтями стоявших в проходе, Теофиль Ферре. Стеклышки пенсне поблескивали, галстук сбился на сторону, лицо изнурено, словно не спал ночь.

За плечом Ферре курчавилась каштановая шевелюра и поблескивало второе пенсне: Рауль Риго, непреклонный прокурор Коммуны, гроза ее явных и тайных недругов. Неизменные желтые перчатки и табакерка.

— Привет и братство, гражданка Луиза! Пять минут передышки в огненном смерче?!

— Чуть побольше, Рауль! — улыбнулась Луиза и повернулась к Ферре: — Как Мари, Тео?

Тот безнадежно махнул рукой.

— Лежит! Спасибо Раулю — не дает ей пасть духом.

— О, как я виновата перед пей!

— Пустое! Скоро снова будем заседать в «Спящем коте» или в «Мадриде», только отобьемся от версальской сволочи!

Луиза осторожно прикоснулась к его руке:

— Неужели правда, что в распоряжении Тьера около ста двадцати тысяч? — спросила Луиза.

— К сожалению, да! Корпус Дуэ, корпуса Ладмиро, Кленшана, Винуа! Они подвезли под степы Парижа сотни морских и осадных орудий, осыпают крепостной вал и баррикады зажигательными, газовыми и бомбами Орсини. Я читаю у Делеклюза ежедневные сводки. Потоплена одна из наших канонерок, а остальные отогнаны к мосту Согласия, откуда они бессильны нанести противнику чувствительный удар. Все не так хорошо, Луиза, как хотелось бы. Но думаю, унывать рано!

Подошел Эжен Варлен, — Луиза не видела его с начала боев, с той самой третьяапрельской вылазки, которая так дорого обошлась революционному Парижу. Варлен тоже осунулся и похудел, но темные красивые глаза блестели ярко и живо, как всегда. Поздоровавшись, одобрительно оглядел гвардейский мундир Луизы, — кажется, он всегда симпатизировал ей.

— Сражаемся, мадемуазель Мишель?

— Выполняем гражданский долг!

Чуть помедлив, еще раз остро глянув на Луизу, Варлен достал из внутреннего кармана распечатанный конверт.

— Вот, Теофиль... С невероятным трудом это пробилось сюда из Лондона. От Маркса... Прочтите отчеркнутое... Это важно для понимания нашей позиции...

Ферре взял глянцевитый лист почтовой бумаги и, взглядом пригласив Луизу слушать, вполголоса прочитал:

— «Дорогие граждане Франкель и Варлен!

...Не следовало ли бы спрятать в безопасном месте документы, компрометирующие версальских каналов? Подобная мера предосторожности никогда не помешала бы...» — Пропустив три или четыре абзаца, Теофиль прочитал отчеркнутые строки, — «Так как Тьер и К° в договоре, заключенном Пуйе-Кертье, выговорили себе, как вы знаете, огромную взятку, то они отказались от помощи немецких банкиров, предложенной Бисмарком. Иначе они лишились бы своей взятки. Так как предварительным условием осуществления их договора было покорение Парижа, то они просили Бисмарка отсрочить уплату первого взноса до оккупации Парижа. Бисмарк принял это условие. И так как Пруссия сама сильно нуждается в этих деньгах, то она предоставит версальцам все возможности для того, чтобы облегчить им скорейшую оккупацию Парижа. Поэтому будьте настороже!»

Ферре сложил письмо и возвратил Варлену. И все трое внимательно посмотрели друг на друга.

— Мы, собственно, всегда предполагали, что между Тьером и Бисмарком существует сговор, — заметил наконец Ферре. — Давно, с самого начала...

В эту минуту из дверей, задрапированных красными флагами, на эстраду вышел офицер главного штаба Коммуны. Щеголеватый и элегантный, он остановился возле белого концертного рояля и поднял руку, требуя тишины. До предела наполненный зал — зрители стояли во всех проходах, вдоль стен, у дверей, которые невозможно было закрыть, — постепенно стих. Стало слышно, как в стороне Нейи и Аньера надсадно бухают пушки.

— Граждане! — торжественно провозгласил офицер. — Господин Тьер дал Национальному собранию клятву войти в Париж вчера вечером. Но — видите?! Он не вошел и никогда не войдет к нам! Никогда! В будущее воскресенье, двадцать восьмого, я приглашаю вас сюда

же, на следующий концерт в пользу вдов и сирот войны!

Плеск аплодисментов минут десять наполнял зал, перекатывался по соседним галереям, от криков позвякивали хрустальные подвески люстр. Когда зал умолк, офицер снова поднял руку:

— А сейчас разрешите предоставить слово конферансье нашего концерта актеру «Гранд-Опера» Эжену Гарнье!

Как и все концерты в Тюильри по времена Коммуны, этот концерт начался «Марсельезой». Играл сводный оркестр лучших музыкантов Национальной гвардии под управлением знаменитого Делапорта, пели все артисты и шесть тысяч зрителей, пели стоя, — никогда Луиза не слышала такого хора.

Касаясь плечом плеча Ферре, она, казалось, не стояла на земле, а парила над ней, позабыв об убитых товарищах, которых похоронили утром, о тысячах раненых, мучающихся на госпитальных койках, о жесточайшей осаде, — мысли о победе и вера наполняли тогда и разум ее, и душу.

Если бы знать, что как раз в это время некий служащий Управления мостов по дорог Дюкатель у ворот Сен-Клу машет белым платком красноштанном солдатам Версаля: «Входите! Здесь никого нет!» Полчаса назад, по выдержав косящего огня версальских митральез, федераты укрылись за виадуком окружной железной дороги, метрах в трехстах от врагов. Часом раньше они задержали было Дюкателя, но он предъявил удостоверение на бланке Коммуны: Жюлю Дюкателью поручено строительство второй линии баррикад между воротами Дофина и Пуэн-дю-Журом. Извинившись, его отпустили.

И в часы, когда Анри Литтольф исполнял отрывки из своих симфоний «Робеспьер» и «Жирондисты», а Агар бросала в зал гневные слова «Медной лиры» Барбье, версальские полки бесшумной лавиной вливались в Париж через ворота Сен-Клу. В форте Мон-Валерьен Тьер и Мак-Магон, обрадованные телеграммой о прорыве, направляли вслед за корпусом Дуэ корпуса Ладмиро, Кленшана и Винуа. Стенобитной артиллерии приказано не стрелять по району ворот Сен-Клу, а орудия бастионов, всего час назад защищавшие Париж, повернуты дулами против города.

По окончании концерта Луиза вышла на улицу Риволи вместе с Теофилом Ферре и Андре Лео. Тихий вечер голубел над Парижем, над красной черепицей крыш загорались первые звезды. Газовые фонари на улицах не зажигали с начала осады, — в вечерней тьме звезды казались необычно крупными и яркими.

Луизе предстояло пешком добираться до ворот Майо, баррикады возле них защищал ее батальон. Остановившись на лестнице, она прислушалась: нет, в их районе как будто продолжается затишье, канонада доносится, пожалуй, только с севера, от Сент-Уэна, Аньера или Клиши.

— Вы не проводите меня, Тео?

— О, если бы мог! Я и так совершил преступление, оставшись в концерте до конца. Сегодня мы судим Кюзере.

— Который был до Росселя и Делекюза гражданским делегатом при Военной комиссии Коммуны?

— Да.

— За что же, Тео?

— За плохую организацию обороны форта Исси.

— Но удержать форт, Тео, вряд ли было возможно при наших силах! Я ж в те дни была там. Форт превращен в груды камней. И Кюзере вел себя достойно, уверяю вас.

Ферре неопределенно пожал плечами:

— Более всего меня не устраивает в Кюзере то, мадемуазель Луиза, что в сорок восьмом он вместо с Кавеньяком подавлял июньское восстание, за что получил орден. И хотя позже он воевал вместе с Гарибальди против неаполитанского короля, хотя он был приговорен южанами к смерти во время гражданской войны в Америке, я не могу простить ему сорок восьмого! И не кажется ли вам странным, что, став делегатом при Военной комиссии, он мобилизовал в Национальную гвардию граждан лишь до тридцати пяти лет? Его приказом от гвардии отстранялись наиболее преданные Республике люди, ветераны сорок восьмого... Каково? А кроме суда над Кюзере нам с Раулем предстоит сегодня снова допросить версальского наймита, пытавшегося подкупить Домбровского. Я говорю о Вейссе. И я не я буду, если этот мерзавец не получит заслуженной унции свинца!

Улица Риволи наполнялась покидавшими Тюильри зрителями, они восторгались голосом Агар, музыкой Литтольфа, радостно звучал смех. Большинство на время забыло о тяготах, о врагах, стоявших у стен Парижа, словно война шла в иной жизни, в другом мире.

И вдруг что-то изменилось в толпе, неспешно растекавшейся от дворца, смолкли оживленные голоса, и все, будто по команде, повернулись в сторону Отей и Тренель: разрывая тишину ночи, там заколотилась о самое небо лихорадочная медь набата, — «билось в судороге измученное сердце Парижа», — подумала строчкой из будущих стихов Луиза. И еще у Тюильри не было произнесено ни единого слова, как к первому колоколу присоединился второй и чуть спустя третий. И теперь стало невозможно сомневаться, это сигнал всеобщей тревоги.

— Вот оно! — сказала Луиза, схватив горячую руку Теофиля. — Домбровский ждал! Это — штурм!.. Кстати, вы знаете? В бою у ворот Отей он серьезно контужен. Домбровский потрясюще бесстрашен, с улыбкой лезет в самое пекло. После контузии — камнем в голову — его заменил начальник штаба Фавье, но генерал сразу же вернулся. — И снова, стиснув руку Ферре, поправив на плече карабин, с которым не расставалась и на концерте, Луиза зашагала в сторону, откуда выплескивался на город набатный гул. — Тео! Андре! Не забудьте о Марианне, если меня убьют!

— Да, Луиза! — крикнула Андре.

— Конечно, Луиза! — пообещал Ферре, но она, наверно, уже не слышала: улица шумела тысячами голосов, стучала годильотами о камни, звенела оружием.

Она бежала изо всех сил, оступаясь и натыкаясь на людей, бежавших рядом, захлебываясь собственным дыханием.

К счастью, батальон Луизы занимал утренние позиции, волны вражеского прорыва пока не докатились сюда, — по всей вероятности, версальцы стремились сначала захватить аристократические кварталы — Отей и Пасси, — где могли рассчитывать на поддержку.

Все десять орудий бастиона возле ворот Майо, в течение шести недель непрерывно громившие расположения версальцев в Нейи и Курбевау, были целы и сейчас вели огонь по траншеям и редутам врага. В свете разрывов металась полуголые, черные от дыма и сажи артиллеристы, мальчишки подкатывали к ним по земле ядра — даже вдвоем не осиливали поднять. Матрос Краон, лихой и бесшабашный, перебегал между двумя орудиями, размахивая зажженными фитилями, подбадривая криком себя и других:

— Смелее! Точнее, братцы! Бей их!

Там и тут возле лафетов орудий лежали убитые, седая женщина, стоя на коленях, бинтовала голову раненого. На раскалившихся дулах орудий дымилась кровь. Свистела картечь.

Луиза помогала артиллеристам, поднося ядра; заметив мелькнувшую за бруствером голову, пристраивалась за камнями баррикады и, прижимая приклад к плечу, ждала мгновения, когда нужно спустить курок.

К утру перестрелка затихла, и защитники баррикады получили передышку. Последним снарядом, прямым попаданием убило Краона. Начиненный порохом и керосином снаряд разорвался у ног матроса. Это была одна из самых ужасных смертей, которые довелось Луизе видеть. Краона буквально разорвало в клочки, обрызгав все кругом его кровью. Луиза зажала ладонями глаза и закричала.

Оставшиеся в живых защитники баррикады Майо на рассвете собрались вместе: ободрить друг друга, поделиться сухарем или куском хлеба. В предрассветной тьме к ним в сопровождении адъютантов, начальника штаба и Дерера, прикомандированного к Домбровскому, подъехал сам генерал. Луиза с тревогой подумала, что, видимо, штабу пришлось оставить замок Ла-Мюэтт.

— Ла-Мюэтт взят? — спросила дрогнувшим голосом.

— Да, мадемуазель Мишель, — просто ответил Домбровский. — Нам удалось остановить неприятеля, но... — Он поморщился от боли и покачал головой. — По нам необходима помощь. Я уезжаю за ней в комитет. За меня остается Фавье. Надеюсь, удастся продержаться, пока я приведу подмогу. А вас, мадемуазель Мишель, прошу... — Он на

мгновение задумался.

Луиза сделала шаг вперед, вскинула руку к козырьку кепи:

— Моя жизнь в вашем распоряжении, генерал!

Он оглядел ее внимательным и добрым взглядом, затем, освободив ногу из стремени, с усилием прыгнул с черного жеребца. Взяв Луизу под руку, отвел в сторону и здесь, достав из кармана мундира официальную бумагу, развернул ее и подал Луизе:

— Прочтите! Необходимо, чтобы вы знали.

Слегка удивленная, она прочитала:

— «Граждане!.. Довольно милитаризма, долой генеральные штабы в расшитых золотом и галунами мундирах!.. Место народу, бойцам с обнаженными руками! Час революционной войны пробил!.. Народ ничего не смыслит в ученых маневрах, но, когда у него в руках ружье, а под ногами камни мостовой, он не боится всех стратегов монархической школы, вместе взятых!.. Париж в опасности! Нет больше начальников, мы все солдаты!» — Луиза бросила быстрый взгляд на подпись — «Делеклюз» — и подняла глаза на Домбровского.

— Я слушаю, генерал! И... не все понимаю.

Домбровский опять поморщился.

— Ах, если бы и я понимал все, мадемуазель Мишель! Но сие... — Он судорожно потряс перед лицом обращением Делеклюза. — К сожалению, Делеклюз — глубоко штатский человек, он не понимает, что делает, и только это извиняет его. В самый трагический момент, когда нужно единое управление всем механизмом обороны, нужно объединение всех сил... — Домбровский замолчал, и Луиза молчала, глядя на генерала с бесконечной тревогой. — Мне только что передали: Делеклюз раздробил все наши силы, разослал батальоны и командиров по округам — каждому защищать свой округ! Эта ошибка будет нам стоить невероятно дорого, поверьте мне, мадемуазель! — Он опять замолчал и стоял неподвижный и мрачный, держась рукой за седло.

— Что я должна делать, генерал? — настойчиво спросила Луиза.

Домбровский как бы очнулся, пришел в себя.

— Я поскачу в комитет. Но я не убежден, что смогу получить помощь в необходимых размерах. Прошу вас, отправляйтесь на Монмартр, требуйте у них немедленных подкреплений, я сейчас напишу им... Если версальцы продолжают расширять и углублять прорыв, я не вижу средства их остановить. Мои разведчики донесли мне еще в Ла-Мюэтт, что за крепостной вал Парижа уже вошло по меньшей мере тридцать тысяч солдат врага! — Вырвав из блокнота листок, генерал написал несколько слов. — Вот. Но не ходите одна. Возьмите еще кого-то. Попросите Жаклара дать вам в сопровождение двух-трех гвардейцев. Дело в том, что недобитые буржуа, прослышав о прорыве версальцев,

поднимают головы. Они стреляют в нас из окон и с крыш. А мою записку нужно доставить во что бы то ни стало!

С видимым усилием Домбровский поднялся в седло.

— Надеюсь, мадемуазель Мишель, мы увидимся здесь же! Привет и братство!

Через десять минут Луиза в сопровождении двух национальных гвардейцев бегом поднималась по бульвару Курсель, — через площадь Клиши, к холмам Монмартра. Там и тут рвались снаряды, вспарывая мостовые, руша здания. Вот-вот должно было взойти щедрое майское солнце и осветить бойню, какой никогда еще не видел Париж!

Домбровского не обманули его военный опыт и интуиция. В продолжение всей ночи и утром следующего дня, двадцать второго мая, версальцы входили в город, жестоко подавляя попытки сопротивления. Ворвавшись через развалины ворот Сен-Клу, войска вторжения разделились на четыре колонны, заняв ведущие к воротам улицы. Две основные колонны двинулись по внутреннему периметру крепостных валов и стен, влево и вправо от Сен-Клу, и, оставшись незамеченными, зашли в тыл защитникам ворот Отей и Пасси и моста Гренель. Не ожидавшие нападения сзади, защитники этих постов и баррикад были исколоты штыками, изрублены саблями, — пленных не брали. Трупы и лужи крови отмечали грозный ночной марш. А когда передовые части врага овладели воротами Отей и Пасси, поток вторжения сразу утроился; версальцы укрепились на обоих берегах Сены, к утру в степях Парижа их было не менее ста тысяч. Первые лучи солнца, упавшие в тот день на Марсово поле, осветили на нем сотни убитых федератов. Версальская «Либерте» вышла в то утро с передовой статьей: «В домах проводятся такие же поспешные расправы: каждый задержанный в форме национального гвардейца, у которого ствол ружья носит следы пороха, может быть уверен, что конец его близок. Ему остается только пройти несколько шагов из комнаты во двор своего дома».

А в Ратуше, в Комитете спасения и Военной комиссии все еще не осмеливались поверить, что враг в Париже. Здесь уповали на воззвания и афиши, час назад расклеенные на стенах домов: «Солдаты версальской армии! Парижский народ никогда не поверит, что сойдясь с ним лицом к лицу, вы сможете поднять на него оружие. Вы не решитесь, — ведь это было бы братоубийством!..»

Делеклюз и другие военные руководители Коммуны одновременно с тревожными донесениями Домбровского и Врублевского получали опровергающие генералов агентурные сведения. Наблюдатели с главного поста Обсерватории Триумфальной арки беспрестанно доносили, что ни один вражеский солдат не переступил черту парижских укреплений, большинство наблюдателей там оказались сторонниками Версаля, тех же, кто сохранил верность Коммуне, зверски убили.

Конечно, в то роковое утро всех этих подробностей Луиза не знала, они стали известны значительно позже. А тогда, в розовом свете занимающегося дня, она и ее спутники торопились выполнить поручение генерала.

— Скорее! Скорее! — подбадривала гвардейцев Луиза.

Они бежали по непрерывно обстреливаемым улицам, перелезали через баррикады, перепрыгивали через траншеи. На полминуты Луиза задержалась у свежей афиши, ее наклеивала на стену белокурая девушка в красной кофточке.

— Что нового? — крикнула Луиза. — Может, враг уже разбит и отброшен?

Но черные буквы неумолимо кричали с афишного листа:

«Версальцы вошли в Париж, но Париж станет им могилой! Пусть мужчины отправляются на баррикады; пусть женщины шьют мешки для песка! Смелей! Провинция спешит к нам на помощь...»

Луиза с горечью усмехнулась. Провинция! На помощь Коммуне?! Да она еще до Коммуны лютейшей ненавистью ненавидела Париж, почитая его вторым Вавилоном, очагом разврата и лени, а уж теперь нечего и говорить. Версальские газеты и пространные депеши Тьера ежедневно поливают Коммуну такой густой грязью, что сквозь нее не разглядеть ни одной подлинной черты Коммуны. Ни человечности ее, ни могущества. Теофиль как-то сказал, что Версаль старательно распространяет по провинции слух, будто коммунары сговорились с пруссаками, предали и продали Францию!

Уже на подходе к Монмартру Луизу и ее спутников задержало необычное происшествие. В одном из пустынных переулочков, выходящих на авеню Клиши, они заметили подозрительную группу. Трое национальных гвардейцев помогали вылезти из газопроводного люка посреди мостовой четвертому, и все четверо воровато оглядывались. Луиза и до этого слышала немало рассказов о версальских шпионах, хитроумно проникающих в Париж и организующих здесь пожары и взрывы, — помнишь взрыв натронного завода на улице Рапп?!

Не рассуждая, рванула с плеча карабин:

— Стой!

Те, четверо, рванулись было бежать, но под нацеленными в упор дулами вынуждены были повиноваться, — вид растерянный, жалкий. Никакого сомнения — лазутчики, шпионы! И спрашивать гвардейские книжки не имеет смысла: отняли у пленных, украли у убитых федератов.

— Какого батальона? — жестко спросила Луиза, не опуская карабина, — Кто там командир?

Они загнанно переглянулись.

— А ну шагайте, шпионы! — скомандовала Луиза, показывая дорогу дулом карабина, — Отправим вас к Риго и Ферре, там перед смертью заговорите!

Генерала Ла Сесилиа они застали в мэрии Монмартра бледным и уставшим. Тут же оказалось пять или шесть членов наблюдательного комитета, — среди них кое-как перевязанный старик Луи Моро. Луиза передала генералу записку Домбровского и

рассказала о происходящем в западной части Парижа. Ла Сесилиа устало пожал плечами:

— А, знаю! Вот последние сводки! — он махнул рукой на заваленный бумажками и картами стол, — Все рухнет, мадемуазель Мишель! Версальские части уже шагают по Вожирару и Батиньолю! Боюсь, что завтра появятся здесь, на Монмартре. Мы так и не успели возвести вторую линию обороны внутри города. Баррикады строились без единого плана, кому и где вздумается. — Он сокрушенно и с осуждением покачал головой. Ах, Делеклюз, Делеклюз! Что ты наделал, дружище! «Не надо генералов, не надо штабов! Пусть каждый округ защищается как умеет. Нет генералов, все солдаты!» Ведь надо же такое придумать! Вместо того чтобы сконцентрировать, собрать в один кулак все силы! А теперь нас передушат поодиночке, как щенков! Никакой героизм не поможет!

Приведенных Луизой версальцев Ла Сесилиа распорядился отвести в Комитет общественной безопасности, пусть с ними разбираются там.

— Я с радостью сам расстрелял бы мерзавцев, но, возможно, Ферре и Риго сумеют вывести у них что-либо. А вам, мадемуазель, — он с пристальным вниманием глянул на Луизу, — полагаю, нет смысла возвращаться туда, откуда пришли. Через считанные часы там будут зверствовать красноштанники, а может быть, они уже и сейчас там. Оставайтесь здесь, будем оборонять Монмартр! Именно на высотах Монмартра и Бельвиля мы можем продержаться дольше всего, именно отсюда можем нанести удар!

— Верно! — одобрительно подхватил Луи Моро. — Вы, мадемуазель Луиза, были с шестьдесят первым батальоном в первые дни, с нами должны быть и в последние! Как служит вам мой карабин?

— О, великолепно! Мы с ним отправили к праотцам не одного негодяя! — И снова повернулась к Ла Сесилиа: — Я подчиняюсь, генерал! Где мое место?

Ла Сесилиа посмотрел на лежавший на столе план Парижа.

— Отряд Элизы Дмитриевой защищает баррикаду на площади Бланш. Там вы встретил бы, вероятно, немало друзей: госпожу Лемель, Мальвину Пулен, Бланш Лефевр...

— А Андре Лео? — перебила Луиза.

Ла Сесилиа отрицательно покачал головой.

— Она где-то на баррикадах Батиньоля. Там тоже немало женщин. Но я, пожалуй, предпочел бы, мадемуазель Мишель, чтобы вы отправились к кладбищу Монмартра. Сейчас посылаю туда подкрепление, — там жесточайший бой.

— Есть, генерал!

Подошел, козырнув на ходу, командир батальона.

— Запомните, лейтенант, вот что! — предупредил его Ла Сесилиа, водя пальцами по плану Парижа, — Сейчас враг наступает со стороны Батиньоля и той части центра, которую ему удалось занять. Но не исключено, что возможен внезапный удар с севера, со стороны ворот Сент-Уэн. Нам удалось узнать у пленных, что там, за зоной прусских войск, якобы сохраняющих нейтралитет, сосредоточены войска первого версальского корпуса генерала Монтобана. Весьма вероятно, что пруссаки пропустят корпус Монтобана через свое расположение, и тогда вам придется сражаться на два фронта. Будьте бдительны и не оголяйте тыл, лейтенант! И знайте, подкреплений у меня больше почти нет!

— Мы выполним свой долг, генерал!

Шестьдесят первый батальон занял позиции вдоль одной из стен Монмартрского кладбища, и бойцы принялись проделывать амбразуры в верхней части стены, чтобы с меньшим риском стрелять по врагу.

На той стороне улицы Жаннерон ярко и как будто даже празднично пылал жилой дом, языки пламени из окон лизали стены и крышу, в него то и дело попадали гранаты и снаряды, вздымая фонтаны искр. Едкий, удушливый дым расплзался по улице.

Железным прутот от старой могильной ограды Луизе удалось выковырнуть из стены несколько кирпичей, и в образовавшуюся бойницу она следила за движениями врага. Утром федераты оставили видневшуюся в дыму баррикаду на повороте улицы, сейчас над ней развевался трехцветный флаг. Из-за камней баррикады плевались огнем митральезы, картечь посвистывала над головой, сбитые с деревьев листья зеленым дождем осыпались на каменные плиты надгробий.

Снова и снова вспыхивали в дыму огненные сполохи, все точнее падали версальские гранаты, зловеще щелкала по камням, высекая искры, картечь. Вскрикивали раненые, утыкались лицом в стену или опрокидывались навзничь убитые. Молоденькая маркитантка, оставив в сторону кувшин, перевязывала раненых, что-то требовательно и сердито кричал вдали лейтенант. Неподдалеку, видимо на колокольне церкви Святого Пьера, медно гудел колокол, — набатный звон, как и отсветы пожара, подчеркивал тревогу, от стонов раненых сжималось и холодело сердце.

Рядом с Луизой копошился у своей амбразуры старенький Луи Моро. Луизе показалось, что он нарочно старается быть поближе к ней, надеясь защитить в минуту опасности. Когда стрельба затихала, он оглядывался на нее, будто спрашивая: не нужно ли чего, не помочь ли? В ответ Луиза приветливо помахивала рукой.

В дыму пожаров катилось красное, словно вымазанное кровью солнце, в тускнеющем свете дня отчетливее проступали зловещие контуры зарева: Париж горел во множестве мест. Луиза знала, что, отступая, федераты сами поджигают дома, чтобы огненным барьером остановить натиск врага. О, и она не пожалела бы собственный дом, если бы такой жертвой можно было добыть победу.

И, как всегда, при мысли о доме острой, колючей болью тронуло сердце: как мама? В короткие минутки, когда Луиза забегала на улицу Удо, они не успевали сказать друг другу и

сотой доли того, что скопилось в душе и рвалось наружу. Луиза, страшаясь материнских упреков и слез, изо всех сил сдерживалась, стараясь передать согбенной заботами Марианне хоть малую часть своего мужества.

К вечеру перестрелка у кладбища стихла, стала слышнее канонада в западных районах Парижа, почти непрерывно бухали пушки в стороне Трокадеро, Марсова поля, Тюильри. Доносился характерный треск картечниц-митральез, как будто кто-то злобно швырял на камни горсти железных горошин.

Попыхивая дешевой сигаркой, подошел Луи Моро. Он выглядел удивительно по-домашнему, словно после смены у сталеплавильной печи покуривал около своего дома.

— Угомонились! — кивнул в сторону версальской баррикады. — Тоже, гляди, не железные: и пожрать, и вздремнуть надо, а? — Озабоченно оглянулся на восток, на вершину Монмартра, удрученно покачал головой. — Это надо же, мадемуазель Луиза! Все утро наши с холма по своим стреляли, думали — красноштаннх бьют, а пушчонки-то слабосильные, шестифунтовые, снаряды до врага не долетают, на нас валятся. Пока разобрались, пока передали куда надо, скольких жизней не досчитались.

— А может, измена?! — сказала Луиза.

Моро пожал плечами: кто знает!

Послышались голоса, неровный свет заскользил по шершавым стволам деревьев, по мрамору и граниту надгробий, — кто-то пробирался под защитой кладбищенской стены с факелом в руке. Оказалось: кассир легиона, сухонький старик в поношенном сюртучке разносил жалованье тем, кого пока пощадила смерть. Его сопровождал лейтенант батальона.

Кассир устроился на могильной плите под прикрытием стены, расправил листы ведомости, поставил рядом школьную чернильницу. Один за другим подходили гвардейцы. Кассир вносил в ведомость имена тех, кому выплачивал недельное жалованье — полтора франка в день, — и, не переставая, ворчал:

— «Тридцать су», «тридцать су»! А разве и «Тридцать су» не человек, разве и ему не каждый день нужно есть и кормить детей? То-то и оно! Комиссар Журд отправился во Французский банк, а там мосье де Плек вместо семисот тысяч франков выдал двести, — дескать, более нет! И если бы не Шарль Белэ, так бы, наверно, и не дал. Но Шарль пригрозил: сейчас мои батальоны атакуют банк! И сразу обнаружились денежки... Вот здесь распишитесь, мадемуазель...

Он отсчитал Луизе полагавшиеся ей франки и, пряча их в кармашек мундира, она подумала: если затишье продлится, надо сбежать домой.

Мысли о матери и о доме неизменно вызывали чувство тревожного и щемящего раскаяния — бросила на произвол судьбы! Но ведь кто-то должен сражаться за Коммуну, — сколько трусов уже сбежало, спасая шкуру, сберегая ничтожную, подленькую жизнь!

Ощупывая шуршащие в кармане купюры, Луиза надравшись к старику Моро. Ночь наступала по-майски ласковая и ясная, привычно вспыхивали в небе звезды, серебряным ручьем струился в синеве неба Млечный Путь. И, как всегда на кладбищах весной, удушливо и пряно пахло цветами, влажным камнем, свежей травой и чем-то еще, может быть тленом.

— Дедушка Моро, — сказала Луиза соседу. — Пока тихо, хочу сбежать домой. Это недалеко, улица Удо. Отдам маме деньги. Если лейтенант спросит...

— Бегите, бегите, мадемуазель Луиза! Мадам Марианна всегда беспокоится за вас, да и деньги, наверно, нужны, без них, проклятых, не проживешь!

— Я скоро!

Закинув за плечо карабин, быстро пошла, петляя между могилами, к восточным воротам кладбища. Луна поднималась над темными кронами. В ее свете мраморные памятники, казалось, оживали, листва, шевелящаяся под почти неощутимым дыханием ветра, бросала на них зыбкую тень.

И вдруг что-то пронзительно, со скрежетом лязгнуло, чавкнула земля, и огненное дерево вздыбилось в нескольких шагах перед Луизой, вздыбилось и рассыпалось искрами, пронили над головой осколки. В последнюю долю секунды Луиза успела прижаться грудью к холодному памятнику. Ослепшая от пламени, стояла, слушая шум вскинутой взрывом земли, шелест осыпающейся, срезанной осколками снаряда листвы.

Простояла так, пока глаза не научились снова различать облицованные лунным светом могильные камни, восковую желтизну бронзы и плиты мрамора.

Выпрямившись, обвела взглядом тихие ночные деревья, разбегающийся в синеватой тьме ночи лабиринт надгробий и крестов. А ведь где-то здесь могила Бодена. Возле нее первый раз увидела Теофиля! Может, если бы не тот митинг, так никогда и не встретила бы его.

Через полчаса она без приключений добралась до улицы Удо.

Марианна судорожно рыдала на ее плече, по-детски всхлипывая и шмыгая носом. Захлебывалась лаем и визгом ошалевшая от радости Финеттка, прыгала вокруг, лизала руки.

Как могла, Луиза успокаивала мать.

— Потерпи немного, мама! Скоро...

— Да что скоро-то?! — перебила Марианна. — Скоро всех вас перебьют! Что, что со мной без тебя будет, доченька?! Боже мой, да какая ты стала худая! Нынче ела ли что-нибудь?

— Ела, мамочка, ела! В госпитале, где я работаю, хорошо кормят.

— Ты хоть матери-то не ври, Луизетта! Я же все вижу, все понимаю! Гос-пи-таль! Руки-то совсем черные!

— Ну хорошо, ма, хорошо! Как мальчишки? Кормит их мосье Клемансо?

Бессильно опустившись на стул, Марианна устало кивнула.

— А-а! Если бы не мосье Клемансо, дай ему бог долгой жизни, ты, наверно, не застала бы свою мать живой, Луизетта! А мальчишки, что ж... старшие разбежались, воют, — Гавроши. А младшие... Ты бы днем зашла, посмотрела...

Уйти Луизе удалось с трудом, Марианна цеплялась в а нее дрожащими руками, глаза блестели от слез.

— Убьют тебя, девочка! Каких ужасов наслушалась я! В Версале так мучают пленных — от рассказов волосы встают дыбом. Не щадят ни женщин, ни детей.

— Мне, мамочка, ничто не грозит!

На кладбище вернулась, когда бой разгорался с новой силой. Версальцы разобрали часть баррикады и в образовавшийся прогал вкатили две митральезы. Скрываясь за широкими стальными щитами картечных, били по кладбищу прямой наводкой. Красная кирпичная пыль клубилась над стеной в блеклом свете утра. Старика Моро ранило в левое плечо, перебинтованная, окровавленная рука — на перевязи, но он отказался покинуть пост.

— Отстаньте! Еще хоть парочку их спроважу на тот свет!

С рассветом версальцы подвезли тяжелые орудия, под ударами их снарядов стена шаталась и рушилась. Там и тут появлялись в ней бреши, рваными ранами кровавились изломы кирпича. Невидимым ножом отсекало у деревьев вершины и ветки. Опрокидывались памятники и кресты.

— И мертвым покоя нет! — бурчал Моро в седую бороду.

Близко к полудню прискакал адъютант Ла Сесилиа.

— Сейчас же половину людей на баррикады шоссе Клиньянкур! Приказ генерала! Пруссаки пропустили версальцев в ворота Сент-Уэн! Поторопитесь, дорога каждая минута!

Менее чем через полчаса Луиза и десятка три ее товарищей по батальону оказались на баррикаде у шоссе Клиньянкур. Именно здесь скорее всего следовало ждать наступления версальцев, по изрытой воронками улице Дамремо. На ней, возле станции окружной дороги, огромными кострами догорали дома, вспухали и будто взрывались черно-белые клубы дыма, пронизанные блеском искр. В доме, на который опиралась одним плечом баррикада, жалобно, надрывая сердце, плакал ребенок, вдоль стены, волоча простреленную ногу, полз, не выпуская из рук шаспо, рыжебородый гвардеец. На тротуаре рядом лежали убитые.

Но рассмотреть все это у Луизы не было времени. Отодвинув уткнувшегося лицом в камни убитого, она прикинула глазом к щели в баррикаде. Да, всего в двадцати метрах мелькают в дыму красные штаны, пронзительно взблескивают штыки, гремят барабаны!

Она тщательно прицеливалась: патроны нужно беречь. Во время коротенькой передышки отползла к лежащим в ряд убитым и обыскала патронташи в надежде, что у кого-нибудь был такой же карабин, как у нее. Повезло: у одного из убитых в подсумке оказались патроны для карабина. Глянула в неподвижное, мальчишеское лицо. «Я отомщу за тебя, парень!»

Но версальцы не торопились с приступом. Вероятно, выжидали, когда поднакопится больше сил или подвезут новые орудия.

В тот день Луиза последний раз видела генерала Домбровского живым. Оторвавшись от бойницы, присела на корточки перезарядить карабин, случайно оглянувшись, увидела группу конных, впереди на вороном жеребце — Домбровский. Обрадовавшись, вскочила и крикнула:

— Генерал!

Он узнал ее и приветственно помахал перчаткой.

Подбежала. Бросив поводья на луку седла, Домбровский обеими руками пожал ее грязную, в пыли и в крови, руку.

— Я рад, что вы живы, Красная дева! Держитесь?

— О да, генерал! Мы не отдадим им Париж?

Он улыбнулся горько и обреченно.

— Мы пропали, мадемуазель Мишель, — тихо сказал он. — Никакое чудо не может спасти нас!

— Не говорите так, генерал!

Домбровский сидел в седле прямой и даже как будто торжественный, а кругом свистели пули, и картечь митральез обивала со стен штукатурку.

Адъютант Рожаловский осторожно прикоснулся к плечу Домбровского:

— Здесь слишком опасно, генерал! Отъедем под защиту степ.

Но Домбровский ответил сердито:

— Я знаю, молодой человек, где мне надлежит быть!

Нетерпеливые и скорбные нотки прозвучали в голосе генерала. Может, накануне возможного поражения он сам ищет встречи со смертью?

...Да нет, отмахнулась Луиза, не может быть!

Еще раз пожав ей руку, Домбровский тронул коня. Проводив взглядом его подтянутую, напряженную фигуру, Луиза повернулась и побежала к баррикаде, но на полдороге ее остановил короткий болезненный вскрик. Оглянувшись, увидела, как Домбровский, уронив повод, схватился руками за живот и стал валиться с седла. Если бы Рожаловский не поддержал, он упал бы с коня. Нашла-таки генерала его пуля!

Луиза кинулась назад. Когда подбежала, Рожаловский и Потапенко уже укладывали на землю безвольно обвисшее тело Домбровского, — на мундире, ниже пояса, зловеще расплывалось кровавое пятно. О, по работе в госпиталях Луиза знала, что значит пулевое ранение в живот!

— Носилки! Давай носилки! — кричал, обернувшись к баррикаде, кто-то из офицеров. — Сюда! Сюда!

Домбровский был еще жив. Превозмогая боль, неожиданно улыбнулся, и Луизе показалось, что мелькнуло в этой улыбке непонятное удовлетворение. Лицо, однако, быстро бледнело, синели, вздрагивая, губы. Он сказал тихо, но внятно:

— Жизнь моя не играет роли, думайте о спасении Республики... Прощайте, друзья...

Домбровского уложили на полотняные, закапанные кровью носилки, и офицеры понесли командира к больнице Лярибуазьер. И вдруг тонко и пронзительно заржал вслед носилкам конь Домбровского, рванулся вдогонку, брызжа из-под копыт огнем.

...Уже после поражения Коммуны, в камерах тюрьмы Сатори, кто-то рассказал Луизе о прощании гвардии с генералом. Из больницы Лярибуазьер тело перевезли в Ратушу — федераты тогда еще удерживали ее, — положили на обитую синим атласом постель в знаменитой «Голубой комнате». В Ратуше в тот день было до предела тревожно: версальцы уже захватили площадь Согласия, улицу Риволи и набережные почти до самой Ратуши. На левом берегу Сены в их руках Марсово поле, Дворец Инвалидов, Люксембургский дворец, бульвар Сен-Мишель и часть Латинского квартала. Огненные протуберанцы вздымаются над Тюильри, над зданием Почетного легиона, Государственного совета, Счетной палаты, — в отблесках пожаров становятся багровыми стены «Голубой комнаты». Домбровский лежит в черном сюртуке с золотыми галунами на рукавах, неподвижно вздернув заостренную белокурую бородку. Сидя у постели, капитан Жорж Пилотель торопливо набрасывает последний портрет генерала.

Часа через два, завернув тело в красное знамя, при свете сотен факелов, его повезут на Пер-Лашез, и по пути к кладбищу трагический кортеж не раз остановится, чтобы гвардейцы попрощались с тем, кого любили и кому верили до конца. И Верморель, чуть картавя, скажет над могилой прощальное слово:

— В ряду первых он отдал свою жизнь за Коммуну! Поклянемся же, братья, что уйдем от его могилы лишь затем, чтобы умереть так же героически, как умер он! Да здравствует Коммуна!..

А Луиза в те часы продолжала сражаться. Сдерживая слезы, она посылала пулю за пулей в мелькавшие вдали тени.

— Это вам за него, сволочи! За него!

В доме слева на втором или на третьем этаже продолжал плакать уже осипший ребенок, от этого плача судорожно сжималось сердце. Может, малыш заходится криком на груди убитой матери: картечь митральез железным смерчем хлещет по фасадам домов, по окнам, дробя в щенки жалюзи, осыпая защитников баррикады битым стеклом. Но покинуть пост нельзя, каждую секунду можно ждать атаки, а бойцов осталось не так уж много. И слева и справа неподвижны уткнувшиеся в камни тела.

Неожиданно слышались мальчишеские голоса. Луиза обернулась. Трое ребятишек прибавали к палке плакат, написанный на фанерке черной краской. Издали Луиза без труда прочитала крупные буквы:

«Смерть Тьеру, Мак-Магону и Дюкро, смерть крысам, грызущим народ!»

Под фанеркой болталась на веревочке дохлая крыса.

— Молодцы! — крикнула Луиза. — Но ведь ее, наверно, можно было съесть!

Мальчишки обернулись, и один ответил:

— Нет, мадемуазель Луиза! Она давно сдохла. Воняет!

Ба, да ведь это Жак, которого ты подобрала на площади Клиши, — его отца версальцы приколоты штыками к дереву в Булонском лесу!

<...>

Чуть пригибаясь под свистящими над улицей пулями, подошел темноглазый, чем-то напоминавший Камилла лейтенант Жиро.

— Ах, вот ты где, Жак?! — обрадовался он, — Ты мне снова понадобился! — Жиро присел на корточки и пояснил Луизе: — Он незаменимый разведчик, мадемуазель! Благодаря ему мы знаем о продвижении версальцев, о сопротивлении баррикад. Так вот, Жак... Надо посмотреть, что происходит на улице Руссо, пробежать по ней до ворот Клиньянкур. Держатся ли наши?! Где наступают красные штаны? Куда везут орудия? Никто из взрослых не может этого сделать, дорогой Жак, лишь ты и твои дружки. Понял? От тебя, может, зависит не только судьба Монмартра, но и всего Парижа!

<...>

Он проводил мальчугана ласковым и беспокойным взглядом. Скорбные складки прорезались вокруг рта.

— Он похож на моего Эмиля, — со вздохом сказал Жиро, судорожно проводя ладонью по лицу. — Боже мой, мадемуазель Мишель, даже детям приходится сражаться!

— Он погиб, ваш сын? — спросила Луиза.

— Нашу мансарду разнесло в пыль. Прямое попадание тяжелого снаряда. Пожар. Мне даже некого было хоронить.

Луиза промолчала: слова утешения были неуместны.

Уже собравшись уходить, лейтенант остановился, пытливо глянул на Луизу и после недолгого колебания сказал:

— Еще вот что, Красная дева. На площади Бланш, на выходе бульвара Клиши, возле «Мулен-Руж», сражается батальон женщин. Командует им какая-то русская, кажется Дмитриева. Если мы отступим отсюда, версальцы зажмут их в тиски и перебьют...

— Необходимо предупредить?

— Да.

— Хорошо! Вы только подайте мне знак!

Она продолжала ожесточенно стрелять, а в глубине души копились горечь и боль — за мать, за Теофиля, за всех, кто дорог и мил. Впервые за дни боев она всерьез подумала о возможности поражения: ведь если версальцы дошли до Монмартра, значит, в их руках большая часть Парижа. Не зря же такой мужественный человек, как Домбровский, бросил трагическое: «Мы пропали!» Кого-кого, а уж его-то заподозрить в паникерстве никак нельзя! Но неужели — гибель?! Неужели все жертвы напрасны?!

Вскоре вернулись маленькие разведчики, вернулись с плохими вестями. С колокольни церкви Нотр-Дам-де-Клиньянкур они наблюдали лавину версальских войск, вторгавшуюся в улочки Монмартра через северные ворота: Шапель, Клиньянкур, Сент-Уэн. Везли сотни митральез и пушек. Прямой наводкой били по баррикадам, а следом штурмовали их, не оставляя в живых ни одного защитника.

— Мы не в силах остановить их, мы можем лишь умереть! — с горящими глазами заключил Жак.

Лейтенант внимательно посмотрел на мальчугана.

— И жить и умирать надо с пользой для дела, малыш, — сказал он. — Будем держаться, пока можно, а потом отойдем на высоты Бютт-Шомона и Бельвиля, может, там сумеем остановить... Вы не забыли про площадь Бланш, Красная дева?!

— Я готова, лейтенант! Значит, отступить по бульвару Клиши через площадь Пигаль?

— Да, так. Надеюсь, еще встретимся!

До площади Луиза добралась через полчаса — мимо Монмартрского кладбища, которое федераты все еще удерживали. Она уже миновала его высокую стену, но вдруг ее остановила мысль: ведь и их необходимо предупредить!

Перебираясь через могилы, через воронки снарядов, через обломки надгробий, она добралась до полуразрушенной стены.

— Моро! — крикнула Луиза, боясь не услышать ответа.

— Я здесь, Красная дева! — отозвался из-за груды битого кирпича голос старика. — Но — ложитесь! Только ползком!

И как ни противно было, Луиза опустилась и на четвереньках доползла до Моро.

— Дедушка Моро! Они заходят с севера, с тыла! Нужно отступить к Бельвилю, к Бютт-Шомону, там их еще можно остановить! Я бегу на площадь Бланш — предупредить женский батальон!

Сквозь нависшие седые брови старик посмотрел с горечью.

— Неужели отступить, когда столько погибло?!

— Наша бессмысленная гибель не принесет пользы, — повторила Луиза слова Жиро. — А там — бой! Там пушки и митральезы!

Не зная, удалось ли ей убедить старика, она поползла назад, старательно избегая забрызганных кровью травы и камней. На одной из надгробных плит она увидела оторванную руку с дешевым обручальным кольцом на безымянном пальце!

Эта рука переполнила чашу ее терпения. Вскочила и, рискуя получить пулю в голову, побежала к воротам. Зеленым ливнем осыпалась листва, сбита пулями и картечью. Но у нее исчез страх смерти, — только бы добежать до площади, предупредить Дмитриеву и Жаклар.

Баррикада на площади Бланш оказалась громадной и надежной, под ее прикрытием можно было бы вести многодневные бои. Но Луизе сразу бросилось в глаза: баррикада обращена фронтом на запад и юг, откуда вначале предполагалось наступление версальцев. А если враги ворвутся со стороны Монмартра, то произойдет не сражение, а просто бойня.

Елизавету Дмитриеву Луиза увидела и узнала издали, — та выделялась среди женщин фетровой тирольской шапочкой с петушиным пером и багровой кокардой. Стройная, с вьющимися темными волосами, она показалась Луизе еще красивее, чем при первой встрече.

Луиза подбежала, Дмитриева сразу узнала ее.

— А-а! Красная дева Монмартра! Что заставило вас спуститься с родных холмов, воительница?!

— Дурные вести! На вас нападут оттуда! — Луиза ткнула карабином за спину, в сторону Монмартра. — И вероятно, скоро, сегодня.

— Измена?!

— Пруссаки пропустили версальцев через северные ворота. Целую армию! Баррикады не выдерживают! Отступаем к Бельвилю — последней нашей надежде.

Подбежала Аня Жаклар, порывисто обняла Луизу,

— Луизетта! Сколько же лет мы не виделись!

— Целую эпоху! — улыбнулась Луиза. — Как Шарль?

— Он недалеко! Вместе с Брюнелем командует обороной округа!

Вглядываясь в женщин, Луиза узнавала знакомых: вон Натали Лемель, Бланш Лефевр, Мальвина Пулен, — они приветственно махали руками, вооруженные кто шаспо, кто карабином.

Дмитриева обвела соратниц долгим взглядом.

— Вы слышали, сестры, какую весть принесла Красная дева? Да? Хоть я и презираю Наполеона и его вояк, мне хочется напомнить вам слова генерала Камбронна при Ватерлоо: «Гвардия умирает, но не сдается!» Неужели мы оставим красноштанникам эту великолепную баррикаду?! Что будем делать?

— Строить еще одну! — закричали десятки голосов, — Возле «Мулен-Руж»! Тогда они не смогут пройти по рю Лепик!

Дмитриева с сияющим лицом повернулась к Луизе:

— Вы слышали, Красная дева? С нами ли вы?!

— Как можно спрашивать! Я остаюсь здесь!

И пока группа защитниц баррикады вела огонь по версальцам, наступавшим с запада по бульвару Клиши, остальные с судорожной торопливостью выворачивали из мостовой булыжники, катили со складов ресторана «Мулен-Руж» бочки, тащили из домов мебель и матрасы. Луиза работала вместе со всеми.

Но им не суждено было достроить новую баррикаду: помешал приезд Ферре, Жаклара и Вермореля. В сопровождении группы гвардейцев они прискакали по бульвару Клиши со стороны площади Пигаль. Луиза почувствовала, как вспыхнуло лицо, — уже не надеялась увидеть Теофиля живым.

Ферре был в легоньком сером пальто с бархатным воротником, поверх которого, так же как у Вермореля, повязан красный шарф с золотыми кистями, шарф члена Коммуны. Непривычный к седлу Ферре сидел на коне боком, перенеся тяжесть тела на одно стремя. Это и умилило Луизу, и вызвало в ней жалость к Тео.

Приехавшие спешили. Аня подбежала к Жаклару, а Верморель и Ферре подошли к женщинам, возводившим баррикаду.

— Замысел ваш понятен! — сказал Верморель, пожимая руку Дмитриевой, — Но боюсь, что, если бы вас было даже в десять раз больше, вам все равно не устоять против дивизии Монтобана! Остаться здесь равносильно самоубийству!

— Но мои женщины успешно защищают баррикаду! — возразила Дмитриева, — Мы не хотим отдавать ее врагу! Мы...

— Ваше сопротивление, мадам Дмитриева, — мягко перебил ее Ферре, — имело смысл, пока враг не проник к вам в тыл, не ударил с севера. Поймите, сейчас дорог каждый боец, каждая пара рук, каждый карабин! Мы надеемся организовать сопротивление на высотах Бельвиля и Менильмонтана. Было бы преступно скрывать от вас опасность момента: враг наступает по всему фронту... Мы вынуждены оставить Ратушу. Сейчас она охвачена огнем... Мы отдали приказ поджечь и взорвать ее, задержать этим продвижение врага. Ту же цель имели Брюнель и Пенди, поджигая Тюильри... Подожен и Пале-Руаяль.

— Значит, вы приказываете нам отступить?! — запальчиво спросила Дмитриева. — Да как же...

— Именем Коммуны и во имя ее! — мягко, но непреклонно подтвердил Ферре, — Поймите, для победы на холмах Бельвиля, может быть, лишь вашего батальона и не хватит!

— Оставьте здесь с десятков добровольцев, чтобы не обнаруживать, что баррикада покинута. Добровольцы должны быть местными, в последнюю минуту им придется уйти по проходным дворам, — добавил Верморель.

От площади Бланш до площади Пигаль Луиза прошла вместе с Ферре, он вел коня в поводу. И лишь сейчас Луиза заметила необычную мрачность Теофиля, нервно вздрагивали губы, дергалось веко левого глаза.

— Что случилось, Тео? На вас прямо лица нет! Мари?!

— Да, и с ней тоже, — не сразу отозвался Ферре. — Не представляю, как я ей скажу!

— О чем, Тео!

— Сегодня на улице Гей-Люссака убили Рауля, — Глаза Теофиля за стеклами пенсне вспыхнули нестерпимой болью. — Как она переживет — не знаю. После победы собирались повенчаться, мечтали о сыне...

Остановившись, Ферре достал сигару, пальцы у него дрожали.

— Расскажите, Тео!

— У меня с утра было недоброе предчувствие! Он явился сегодня в Ратушу в полной военной форме, в мундире — он же командир 114-го батальона. Я удивился этому параду. Спросил: зачем? А он: «Когда федераты видят нас в штатском, им кажется, что мы собираемся в любой момент улизнуть». Что это тебе вздумалось, говорю, Рауль? А он криво так усмехнулся и добавил; «И вообще, когда умираешь, надо по крайней мере выглядеть прилично».

— И как же произошло? — спросила Луиза, помолчав.

— Видите ли... месяц назад Рауль снял в гостинице Кретьена на Гей-Люссак номер на чужое имя. Там в одном из чемоданов хранил важные документы нашей комиссии. Сегодня утром стало известно, что бои идут около Пантеона, ведь Гей-Люссак — рядом. Ну Рауль кинулся туда: нельзя допустить, чтобы документы попали врагу! Кто-то видел, как он вошел в гостиницу. И только принялся жечь бумаги, вбегает хозяин гостиницы, этот Кретьен... Кстати, он мне и рассказал подробности: ведь Рауль спас ему жизнь... Прибежал бледный как смерть, кричит: «Господин офицер, если вы не спуститесь, они меня расстреляют!» — «Я не трус и не подлец», — отвечает Рауль и спускается. У него требуют револьвер и саблю, он отдает. Ведут по улице, они еще не знают, кто попал им в руки. Встречают кого-то из версальского штаба. «Кто вы?» — спрашивают те. «Рауль Риго, прокурор Коммуны!» — «Ах вот ты кто, сукин сын! — Приставили к виску револьвер. — Кричи: «Да здравствует Версаль!» А он во весь голос, со своей обычной дерзостью: «Вива, Коммуна! Долой убийц из Версаля!» И повалился с пробитым черепом.

— Как жил во весь рост, так и умер, не согнувшись! — сказала Луиза.

— Да... Кретьен рассказывал еще: обобрали, разули, вывернули карманы, взяли кошелек, часы. Трехцветные дамочки набежали, в мертвые глаза — зонтиками, буржуа — тростями по лицу...

С минуту шагали молча. Луиза плакала. Вдали показались глыбистые, уродливые нагромождения баррикады, перегораживавшей бульвар, над ней на высоком шесте пламенел флаг.

Ферре устало потер лоб, вздохнул. Искоса присматриваясь к нему, Луиза подумала: как же он постарел за три дня! А ведь ему нет и двадцати шести!

Будто подслушав ее мысль, Ферре негромко продолжал:

— Усталость навалилась — сил нет... душевная... — Порылся в карманах, достал сигару, — Сегодня я все-таки расстрелял шестерых мерзавцев: монсеньора Дарбуа, аббата Дегерри, председателя кассационной палаты Бонжана и трех иезуитов: Дюкудрэ, Клерка и Аллара. Это — за Рауля. Хотя за него полагалось бы уничтожить тысячи и тысячи сволочей! И как же ненавидит их народ! Знаете, Луиза... подписал я приказ директору тюрьмы Ла-Рокетт выдать для казни заложников, но как-то просмотрел, что в списке персонально не значится Дарбуа. И толпа у тюрьмы заорала сотнями голосов: «Архиепископа! Давай архиепископа!» Пришлось на ходу дописать: «И в том числе монсеньора Дарбуа». А когда следователь прокуратуры Фортэн вызвал желающих привести приговор в исполнение, вся толпа закричала в один голос: «Я! Я! Они убили у меня брата! У меня сына! У меня отца!» Всенародная ненависть. Но все это, Луиза, не убавляет скорби и тяжести на душе...

— Почему так долго церемонились с заложниками? — спросила Луиза. — Ведь они убивают федератов сотнями и тысячами! Утром мне сказали: в церкви Святой Мадлен изрешетили и изрубили более трехсот человек.

— Мы боялись, что они в отместку убьют Бланки. А Коммуне так необходима, так нужна его голова, его железная воля! Я верю: появишься он среди нас — все сразу пошло бы иначе... А потом, вот увидите: святоши воспользуются казнью Дарбуа, чтобы навлечь на Коммуну злобу всего католического мира!

Они прошли вдоль стены дома за баррикаду: красный шарф Ферре заменял любой пропуск.

— Где же сейчас заседает Коммуна? Где искать вас, Тео?

— Мы перебрались в мэрию одиннадцатого округа, неподалеку от тюрьмы Ла-Рокетт. Но боюсь, что пруссаки откроют версальцам Венсенские ворота и ударят оттуда нам в спину... Вот такие дела, дорогая Луиза... Положение трудное, но, надеюсь, сие не помешает нам умереть так же доблестно, как умер Рауль... Привет и братство!..

На смену знойному солнечному дню пришла душная ночь, пропитанная гарью и запахом пороха, докрасна раскаленная циклопическими кострами пожаров: все еще пылали Тюильри и Пале-Руаяль, дворец Почетного легиона и Государственный совет, во всю длину горели улицы Лилль и Руаяль, между багровыми набережными Сены катились волны, казалось, не воды, а крови...

Ночь Луиза провела на баррикадах площади Шато-д'О, — сюда отступили с Пигаль, натиск версальцев с Монмартра невозможно было остановить.

Спала она не более получаса, да и сон — зыбкий, прерывистый, тоже как бы опаленный пламенем пожаров — не принес и не мог принести отдыха. Ни на секунду не утихала боль за Марианну: в их районе хозяйничают беспощадные версальцы, а там каждому известно, что Марианна — мать Красной девы Монмартра. Возможно, мамы уже нет в живых!

С горечью спрашивала себя: а что же мешает тебе побежать туда, на улицу Удо, защитить собственной грудью, умереть вместо нее или вместе с ней? Удерживала мысль, что товарищи сочтут предательницей, дезертиркой.

Всю ночь на площади вели лихорадочные работы, готовились к неизбежному утреннему штурму. От Шато-д'О радиально расходятся во все стороны семь широких улиц, нападения следовало ожидать прежде всего по бульварам Манжента и Сен-Мартен, а также со стороны канала Сен-Мартен, если версальцам удастся овладеть укреплениями федератов на набережной Вальми. Баррикады наращивались камнями и спиленными тут же деревьями, за ними устанавливали привезенные Брюнелем пушки десятого легиона.

В красном отблеске пожаров люди казались не то привидениями, не то персонажами фантастического спектакля. Да и все кругом было до того неправдоподобно, что Елизавета Дмитриева призналась Луизе со странной улыбкой:

— Сколько бы ни прожила, наверно, не смогу позабыть эту картину. Даже не верится, мадемуазель Луиза, что где-то сейчас течет тихая мирная жизнь, журчат ручьи и поют птицы...

Из крошечной багровой полутьмы в короткие просветы тишины до женщин долетал властный голос Брюнеля.

— Вы знаете командующего обороной Шато-д'О? — спросила Дмитриева, — перо ее шляпки качнулось в сторону голоса.

— О да! — отозвалась Луиза. — Под командой генерала Брюнеля я защищала форт Исси. Он — настоящий патриот и пламенный республиканец, вместе с Эдом, Дювалем и Флурансом — один из наиболее любимых командиров гвардии. Член ее ЦК и Коммуны.

Луиза почувствовала осторожное прикосновение к руке. Оглянулась и в перепачканном сажей мальчишке не сразу узнала Жака.

— Жак! Милый!

На чумазом лице блеснули в улыбке зубы.

— Я искал вас, мадемуазель Луиза! Я забегал к мадам Марианне...

— Она жива?! — Луиза схватила мальчугана за плечи.

— Да, да! Просила передать, что благословляет вас. И всех наших. И дала вам хлеба. — Он ощупью нашел за пазухой ломоть, завернутый в обрывок газеты. — Вот...

— Ну нет, милый! Ешь сам! Сию же минуту.

— А вы?

— Я не голодна.

С нежностью и жалостью смотрела, как мальчик глотает непрожеванные куски.

— Ну а что на Монмартре, Жак?

— О, мадемуазель!.. — Голос мальчика странно зазвенел. — Они там... на улице Розье... где тогда убили генералов Леконта и Тома, помните?

— Ну, ну!

— Они пригнали к дому номер шесть больше сорока человек. Среди них и женщины, и дети. Их заставили стать на колени там, где убили генералов. Одна женщина ни за что не хотела... Она прижимала к себе ребенка и кричала другим: поднимитесь! Покажите зверям, что мы умеем умирать гордо!

Жак не мог говорить дальше.

— И... их убили? — глухо спросила Дмитриева.

— Да, мадам! И потом стреляли в тех, кто шевелился. Они убивают всех, кто в сапогах или в годиньотах... Мертвые лежат везде...

И снова темная волна тревоги опрокинулась на Луизу.

<...>

Бессильный рассвет вползал в улицы, высветляя слепые фасады, рябые от ударов снарядов, нащупывая в клубах дыма шпили церквей и соборов. Огненные степы горевших улиц и высокий костер Тюильри тускнели, отодвигались. В облаках кирпичной и известковой пыли рушились дома, красными тяжелыми птицами летела черепица крыш, опрокидывались колонны подъездов, дымовые трубы и фонарные столбы.

Словно вспаханные чудовищным плугом, простирались разрушенные улицы. Мостовые и стены домов алели пятнами крови. И — убитый мальчишка, заброшенный взрывом на балкон второго этажа и как будто молящий о помощи свешенными через перила руками. И беленькая кошка с розовым бантом на шее, мяукающая на подоконнике горящего изнутри дома...

В тот день Луиза не делала пометок на прикладе карабина: перед лицом неминуемой гибели это не имело смысла. Да она и сама потеряла счет тем, кто, оказавшись под ее прицелом на той стороне баррикады, падал после ее выстрела. Перезаряжая карабин, оглядывалась на испачканные пылью и пороховой копотью лица: Аня Жаклар с рассыпанной по плечам светлой косой, невозмутимая, как всегда, в сбившейся на ухо шляпке с пером, чумазая, но все равно покоряюще красивая Елизавета Дмитриева, Натали Лемель, разрывающая на себе кофту, чтобы сделать кому-то перевязку...

Изредка взгляд Луизы среди черного и серого ловил мелькание красного цвета — члены Коммуны сражались на баррикадах, опоясанные своими красными шарфами с золотыми кистями, а члены ЦК гвардии — в таких же, но отделанных серебром. Она замечала в дыму и пыли фигуры Ферре, Брюнеля, Вермореля, Делеклюза, Лефрансе, Лисбонна. Грохот боя

заглушал голоса, но она, в силу какой-то необъяснимой интуиции, понимала то, чего не могла расслышать. И перед ней вставала картина невиданного в истории человечества сражения, участницей которого она была.

Сражение постепенно сдвигалось от бульвара Тампль к бульвару Вольтера — на всем протяжении от Шато-д'О до площади Бастилии. Отступая, федераты поджигали и взрывали дома, воздвигая между собой и врагами огненную стену. Кто-то незнакомый Луизе кричал за ее спиной, что в левобережье Врублевский вынужден был оставить Люксембург, Пантеон и парк Монсури, что немцы пропустили вверх по Сене версальские канонерки и теперь эти суда прицельным огнем бьют по берегам реки... Но площадь Бастилии держится...

Что же еще из того дня навсегда отпечаталось в сознании? Как, удивленно вскинув брови, пошатнулась от невидимого удара и опустилась на камни Елизавета Дмитриева? Как укладывали на носилки окровавленного Брюнеля? Как последний раз помахал тебе дымящейся сигарой Теофиль? Как бесстрашно маленький Жак водружал над баррикадой вместо сбитого снарядом новый флаг?.. Да, и это, и чьи-то вскрики и стоны, и мяуканье обреченной кошки. И почему-то весь тот день звучал в ушах исступленный и страстный голос Лефрансе: «Да, я из тех, кто одобрял и считал абсолютно моральным сжечь этот монархический, ненавистный символ мерзкого прошлого, который назывался Тюильри! Да, я из тех, кто трепетал от радости, глядя, как полыхает мрачный дворец, откуда столько раз исходили приказы о расправах с народом и где было задумано и прославлено столько преступлений!»

Но в кровавой мешанине событий дня было одно, которое запечатлелось в мозгу Луизы словно вырезанное в камне алмазным резцом, — она не могла позабыть его всю остальную жизнь. Смерть Делеклюза.

Днем она видела военного делегата Коммуны несколько раз, его сутуловатая фигура то появлялась на площади, то исчезала. В библиотечном зале мэрии одиннадцатого округа последний раз заседали члены Коммуны. Здесь они приняли решение попытаться сохранить жизнь оставшимся коммунарам и через посредство американского секретаря Уошберна договориться с Версалем остановить бойню. Но, как Луиза узнала гораздо позже, со стороны американского секретаря предложение о посредничестве было просто провокацией, ибо в тот же день Уошберн сказал шотландскому журналисту Роберту Риду: «Каждый, кто принадлежит к Коммуне, и все, кто ей сочувствуют, будут расстреляны».

Преодолевая отвращение, презирая эту попытку примирения с Версалем, по желая спасти от гибели оставшихся в живых товарищей, Делеклюз вместе с Вайяном, Верморелем и Арнольдом в сопровождении Уошберна отправился к Венсеннским воротам. Но национальные гвардейцы, охранявшие ворота, отказались пропустить делегацию: у нее не было пропуска, подписанного Ферре. Гвардейцы заподозрили делегатов в попытке предательства, бегства во имя спасения собственной шкуры. Под охраной штыков в какой-то винной лавке на Тронной площади Делеклюз, пораженный стыдом и горем, твердил:

— Я не хочу больше жить... Нет! Для меня все кончено!

По его настоянию решили ждать, пока принесут подписанный Ферре пропуск, и вернулись на Шато-д'О...

Но подробности Луиза узнала много позже, а в тот день...

К вечеру она окончательно выбилась из сил, почти оглохла, голова казалась кипящим чугуном, готовым взорваться. Во рту пересохло, мучительно хотелось пить. Когда жажда стала непереносимой, Луиза поднялась, — очередная ожесточенная атака отбита, версальцы отогнаны ружейным и орудийным огнем.

Она вспомнила, что на бульваре Вольтера возле мэрии из стены торчит кран, из которого на тротуар капает вода. Облизывая потрескавшиеся, кровоточащие губы, побежала через площадь, огибая воронки и трупы.

Почти добежав до мэрии, увидела Делекюза. Он вышел на крыльцо в черном сюртуке и шляпе, перепоясанный красным шарфом, без оружия, только с тростью. Что-то торжественное и непередаваемо печальное было во всем его облике, в том, как он долгим взглядом, словно прощаясь, посмотрел на запад, где в багровые дымы пожаров садилось солнце. Луизу поразила белоснежная рубашка Делекюза, — все кругом было до черноты закопчено и запылено.

Следом за Делекюзом шли коммунары Журд и Жоаннар, журналист Лиссагарэ и кто-то еще, — пораженная видом Делекюза Луиза не успела рассмотреть. Делекюз неспешно шагал, опираясь на трость, болезненно худой, измученный, седая бородка отливала серебром.

Мимо остановившейся Луизы пронесли к мэрии носилки с истекающим кровью Верморелем, и шедшие за Делекюзом остановились, окружили носилки, наклонились, пытаются расслышать, что почти неслышно говорит Верморель. Кто-то окликал его по имени:

— Огюст! Огюст! Ты слышишь меня?

Но Луиза, словно загипнотизированная, не могла отвести взгляда от трагического лица Делекюза, и он почувствовал ее напряженный, обжигающий взгляд. Посмотрел и после недолгого раздумья подозвал к себе коротким, властным кивком. Она подошла.

— Вы женщина, — сказал Делекюз спокойно и неторопливо. — У вас больше шансов пережить эту ужасную бойню. Если останетесь живы, передайте, пожалуйста, моей сестре. Адрес здесь.

Он достал из кармана сюртука и протянул Луизе конверт. И добавил совсем тихо:

— Бедная моя Аземия!

И зашагал дальше, к площади. Луиза невольно пошла следом. Но он оглянулся, нахмурился и сказал строго»

— Не ходите за мной! И не мешайте мне. Я не хочу, чтобы о Делеклюзе говорили, что он пытался спастись бегством. Я — военный делегат Коммуны и разделю участь ее бойцов...

Он дошел до конца бульвара Вольтера, постоял на краю площади и затем так же неспешно двинулся влево, вдоль баррикады. Но успел он пройти не более десяти шагов, под ногами у него брызнул во все стороны огонь взрыва, вскинулся черный фонтан земли. И Делекюз, выронив трость, опрокинулся навзничь на мостовую...

— Кончено. Он этого и хотел...

Ночью положение на площади Шато-д'О стало критическим.

Одна за другой появлялись здесь разрозненные группы федератов, сражавшихся на примыкавших улицах. Под натиском врага, наступавшего от Северного и Страсбургского вокзалов, форсировавшего каналы Уре и Сен-Мартен, инсургенты вынуждены были оставить баррикады на набережной Вальми и дали врагу возможность занять Таможню. Так возникла опасность выхода версальцев на Фобур дю Темпль, на бульвары Виллет и Бельвиль, что перерезало пути отхода коммунаров к их последней надежде — Бельвилю.

Прибывавшие из центра также приносили дурные вести. Солдатам Винуа удалось взорвать ворота казармы принца Евгения, и после кровавого штыкового боя они овладели казармами и Торговым пассажем. Это дало им возможность через улицы Риволи и Сент-Антуан ударить по второй цитадели восставших — по площади Бастилии.

На Шато-д'О было светло словно днем: вокруг площади горели дома. Когда обваливались крыши и стены, вихри искр огненными столбами вздымались к черному, дымному небу, осыпались на головы и плечи; одежда на убитых дымилась и тлела. Вокруг разбитого фонтана в центре площади валялись поверженные каменные львы. На канале Сен-Мартен горели баржи с керосином, оттуда несло зловонный дым.

Маленький Жак все время крутился возле Луизы, — может, в ее присутствии чувствовал себя хоть немного защищенным, все же она была ему не совсем чужой. Он шнырял вдоль баррикад, доставал патроны из карманов убитых, два раза приносил Луизе воды в консервной жестянке, привел незнакомую седую женщину с корзинкой еды, — она заставила Луизу съесть кусок хлеба и конины.

— Да пребудет с нами дева Мария! — молилась старушка.

Бой не стих и ночью. Издали Луиза замечала в дыму Журда и Жоаннара, опоясанных неизменными шарфами, видела Врублевского, — отказавшись принять главное командование, генерал возглавлял защиту Шато-д'О. Ферре не появлялся. Может, и его уже постигла участь Домбровского, Брюнеля, Вермореля? Исчезла с баррикад и раненая Дмитриева.

Предчувствие неизбежного и скорого поражения овладевало Луизой, но она знала, что ей не пришло время умирать: нужно узнать, что с мамой, где Теофиль, необходимо передать сестре Делеклюза предсмертное письмо. Не прикасаясь, Луиза чувствовала на груди этот

скорбный листок.

Пасмурное утро застало ее и Жака на площади Бастилии. Опасаясь обхода Шато-д'О с севера и северо-востока, коммунары покинули полуразрушенные баррикады, отступили по бульвару Вольтера. Большинство понимало, что они удерживают последние позиции, что агония Коммуны началась. Но тот, кто оставался верен Коммуне, предпочитал смерть с оружием в руках постыдному плену, который все равно окончился бы гибелью: Версаль не щадил пленных. «Жить стоя или умереть в бою!» — кто знает, сколько раз повторялись в те часы эти мужественные слова?

В дымных предрассветных сумерках в центре площади Бастилии гигантским факелом пылала колонна свободы, — горели подожженные снарядами флаги, красные полотнища и венки, которыми парижане щедро украшали колонну со дня февральских манифестаций.

Начался дождь. Стеклянно блестели булыжники мостовых, клокотали в водосточных желобах мутные пузыристые ручьи, несли вдоль тротуаров обгорелую листву и бумажный пепел, омывая трупы, окрашивались кровью.

По площади Бастилии версальские батареи били не только с запада и севера, с улиц Сент-Антуан и бульвара Вольтера, сотни снарядов летели со стороны Лионского вокзала и от моста Аустерлиц, — это стреляли с Сены вражеские канонерки.

Немыслимая, нечеловеческая усталость давила — которая ночь без сна! — валила с ног. Временами Луша переставала понимать, что происходит. Но бой на площади Бастилии запомнился ей: именно здесь шальная пуля поразила Жака. Мальчишка бежал к Луизе, видимо, собираясь что-то сказать, но не добежал шагов десять, остановился, словно наткнувшись грудью на невидимую преграду. Вскрикнул:

— Ах, ты! — И, опускаясь на колени, прижимая к лицу ладони, пробормотал: — Мадему-у...

Швырнув карабин, Луиза бросилась к мальчишке, но уже никто и ничем не мог помочь маленькому Жаку. Он лежал лицом вверх, глядя остывающими глазами в брызжущее дождем небо, мягкие мальчишеские губы шевелились, силясь выговорить последнее слово.

— Жак! Жак! — кричала Луиза, тряся его за плечи.

Подхватив легонькое тело, оттащила его под укрытие стены, уложила на тротуар. В это время ударившим в баррикаду снарядом, словно ножом, срезало древко флага, и прямо к ногам Луизы упало красное полотнище. Она инстинктивно схватила его, продолжая окликать мертвого:

— Жак! Жак! Как же ты?!

Поняв, что для него все кончено, она накрыла лицо мальчика красным полотнищем. Но сейчас же подумала, что как раз это даст версальцам повод издеваться над убитым. И, оторвав полотнище флага от обломка древка, сунула себе за борт мундира. Лицо мертвого прикрыла носовым платком, — что еще могла она для него сделать?

— Прощай, милый Жак!

Бои на Тронной площади, недавно переименованной Коммуной в площадь Наций, а также оборону баррикад на улице Ла-Рокетт Луиза вспоминала потом как полузабытый сон, все — как в дыму, как в бреде. И бой на кладбище Пер-Лашез, ночью, под проливным дождем, вокруг могил и в склепах; бронзовые и мраморные изваяния, на секунду возникающие из тьмы, небывалое ожесточение последней схватки. Бились штыками, ружейными прикладами, саблями, ножами.

Коммунары сражались до последнего патрона, до последнего взмаха руки, но в пролом, пробитый ядром в кладбищенских воротах, на Пер-Лашез лезли новые полчища версальцев. Федераты отступали к высокой белой стене, отделявшей кладбище от улицы Рено, и здесь гибли в кольце врагов.

В этот страшный час Луиза не покинула товарищей. Но почти в конце сражения, получив остервенелый удар прикладом в грудь, уронив карабин, она опрокинулась навзничь в заполненную дождевой водой воронку.

Очнулась, когда бой на кладбище стих, лишь кое-где хлопали одиночные выстрелы. Долго лежала не в силах осознать, где она и что с ней. Шелестел, пробиваясь сквозь листву деревьев, теплый майский дождь, она облизывала с запекшихся губ пресные капли. Смотрела перед собой и долго не могла понять, что это смутно видится ей над краем земли? Голова раскалывалась от боли, перед глазами то появлялся, то исчезал мраморный ангел с высоко поднятым крестом, взблескивали позолоченные копыя ограды.

Когда пошевелилась, нестерпимая волна боли плеснулась на нее и лишила сознания.

Лишь после многократных попыток ей удалось опереться руками о дно ямы и только тогда поняла, что странные предметы, торчащие перед глазами, — это ее собственные ноги в гвардейских годильютах, — они застряли на краю ямы, выше головы. Что-то жестяно шелестело под руками, — нащупала жесткие, зазубренные листочки, с чьего-то надгробия свалился на нее венок — может быть, он и спас ей жизнь...

С трудом сдерживая стоны, выкарабкалась из ямы, которая могла бы стать ее последним пристанищем. Нащупала в темноте могильный камень и села, оперев на ладони разрывавшуюся от боли голову. Кепи потерялось, волосы вымокли и слиплись от грязи.

Она ни о чем не думала — какая-то инстинктивная, независимая от ее воли сила распорядилась ею: заставила встать, оправить куртку и пойти в ту сторону, где помнились ворота. Спотыкалась о трупы и падала, снова вставала и шла.

Остатки сознания вели ее: она обязана что-то сделать, должна... Мама? Теофиль?

У ворот остановилась и ощупала грудь. Нет, не пропало, здесь!.. И на мгновение мелькнула в памяти согбенная и в то же время величественная фигура Делеклюза на фоне баррикады и замутненного дымом багрового неба...

Она не могла потом вспомнить, каким чудом отыскала дом сестры Делеклюза, как вскарабкалась по крутой лестнице, не могла объяснить, как не схватили ее на улицах патрули версальцев... Она как бы очнулась от мутного сна лишь в чистой и светлой комнатке, где в бронзовом подсвечнике теплилась на столе свеча.

Луиза разглядела перед собой высокую худенькую женщину, — топкие черты удлинённого лица смягченно повторяли черты Делеклюза, светло-синие глаза смотрели с вопросом и тревогой.

— Вы от Шарля?

Ответить Луиза не могла. Расстегнув пуговицы мундира, достала и молча протянула влажный конверт. Аземия бережно взяла письмо и отошла к столу, где горела свеча. Лицо стало суровее, строже, в углах рта легли скорбные складки. Луиза обессиленно села у порога на стул.

Аземия с письмом в руке подошла к Луизе.

— Я знала, что его жизнь окончится трагически, — сказала она негромко.

— Что пишет? — через силу шевеля губами, спросила Луиза.

— Вот. Прочтите.

Луиза взяла крупно исписанный лист, но строки прыгали и расплывались перед глазами.

— Не могу. Не вижу. Прочтите, пожалуйста...

Аземия взяла письмо и снова отошла к столу. Подавляя волнение и слезы, прочитала вслух:

— «Моя дорогая сестра! Я не хочу и не могу быть жертвой и игрушкой победившей реакции. Прости, что умираю раньше тебя, которая пожертвовала для меня всей своей жизнью. Но после стольких поражений я не в силах пережить еще одно... Я тысячу раз целую тебя, любимая. Воспоминание о тебе будет моей последней мыслью. Благословляю тебя, моя горячо любимая сестра; ты одна, с момента смерти нашей бедной матери, являлась для меня семьей. Прощай, прощай! Еще раз целую тебя. Твой брат, который будет любить тебя до последнего мгновения. Шарль Делеклюз...»

Они долго молчали, потом Аземия спросила:

— Вы видели?

— Да. Он хорошо умер.

— Где?

— На Шато-д'О. В начале бульвара Манжента...

Опять помолчали, и Луиза с усилием встала, держась рукой за косяк двери.

— Ну, я пойду...

Отложив письмо, Аземия бросилась к ней:

— С ума сошли! Да вас же расстреляют в вашем костюме на первом перекрестке! И думать нельзя! Сейчас же раздевайтесь! Снимайте все до последней нитки! Идите вот сюда, за ширму. Раздевайтесь. А я сварю кофе: вам необходимо подкрепиться. Сейчас я дам вам свое платье...

Через полчаса, умывшись и переодевшись, Луиза сидела с Аземией за столиком в крошечной кухне перед чашкой кофе и печально смотрела в огонь печки, где догорали ее гвардейские штаны и мундир. Она словно бы прощалась с самым ярким и дорогим в ее жизни, прощалась с Коммуной. Рассказывала Аземии о пережитом за дни кровавой недели, а потом слушала ее воспоминания о Делеклюзе.

— Он всегда был не от мира сего, — говорила Аземия, — Вся жизнь — борьба либо тюрьма. И — ничего для себя, как все истинные революционеры...

Ушла Луиза из гостеприимной квартиры, когда полностью рассвело. Прощаясь, Аземия сказала ей:

— Если придется скрываться, помните: мой дом — ваш дом! Пойдите, я дам вам немножко денег...

В чужом недорогом, по хорошо сшитом платье, в кокетливой синей шляпке Луиза вначале чувствовала себя скованно; за два месяца привыкла к солдатской одежде и обуви. Аземия настояла, чтобы Луиза взяла еще зонтик и сумочку, — «безопаснее, мой друг, если вы будете выглядеть чуть-чуть буржуазкой, поверьте мне... Подождите, я выйду вместе с вами...»

— Вы — туда?

— Да. Не могу оставить Шарля на глумление им!..

Так они встретились в первый и последний раз...

И опять перед ней был какой-то иной, новый Париж, которого она никогда раньше не видела. Еще дымились пожарища, местами развалины домов полностью перегораживали улицы, еще кисло пахло порохом, но уже весело шелестели по мостовым колеса возвращающихся из Версаля карет. Спешили к своим дворцам и особнякам перепуганные восстанием князья и графы, бароны и герцоги, попы и банкиры. В одной из карет Луиза увидела Дантеса, его холеное лицо сияло довольством и торжеством. Привстав, он толкал кучера в спину и покрикивал на солдат, разбиравших мешавшую проехать баррикаду. Трехцветная лента украшала его цилиндр.

Сдерживая рвущийся из горла крик, Луиза бежала по чужому ей Парижу, засовывая глубже в карманы жакетки дрожавшие от ненависти кулаки. Значит, заново возвращается все гнусное и подлое, снова несчастную Францию будут терзать тьеры и мак-магоны, снова, глядишь, объявятся новые претенденты на престол, очередные «спасители нации», «цвет и гордость» отечества. Опять завертится, засверкает бешеное колесо разврата и роскоши, и снова — нищета и бесправие тысяч и тысяч!

Словно подтверждая ее мысли, где-то неподалеку ударили колокола, им отозвались другие, и еще, и еще, — Париж толстосумов и иезуитов праздничным звоном встречал день своего торжества.

Объезжая дымящиеся развалины, по улице Риволи проскакала кавалькада офицеров, — по моржовым усам Луиза узнала генерала Винуа, помахивая лайковыми перчатками, он важно отвечал на приветственные крики толпы.

А бойня продолжалась! По середине улицы версальский конвой, подгоняя штыками и прикладами, вел окровавленных и измученных федератов. И толпа на тротуаре улюлюкала, плевалась и кидала в пленных камнями и палками. С каким трудом Луиза удерживалась, чтобы не броситься к пленным. Ведь я же с вами, дорогие! Хочу разделить вашу боль, хочу умереть рядом!

Но перед глазами возникало бледное, с дрожащими губами и полными слез глазами лицо Марианны! Теперь Луиза была убеждена, что победители не оставят в покое ее мать, будут пытать, где дочь, будут издеваться и мучить. И только ты одна можешь ее спасти!

А праздничный перезвон перекатывался над Парижем, и щедрое солнце, разогнав вчерашнее ненастье, золотило кресты и шпили и плавилось и плескалось в дождевых лужах. И где-то спозаранку гремела оркестровая медь, и били армейские барабаны, и играли бодрую команду рожки. Конечно, не сегодня завтра версальские генералы устроят грандиозный парад и смотр войскам. Будут раздавать направо и налево ордена и медали: как же, Коммуна повержена, Коммуна побеждена! И пьяное офицерье будет шиковать с «легкими» девочками по ресторанам, похваляясь, как они лихо расправились с Парижем нищих и обездоленных. И на сколько же опять десятилетий тьма, кромешная, зловонная, сверкающая позолотой тьма?.. Нет ответа, и нет освобождения от гнетущей муки, не видно просвета...

Когда проходила мимо казармы Лобо, в ее ворота загоняли очередную партию пленных федератов. За чугунными воротами, вдоль кирпичной стены, Луиза увидела нагромождение трупов и несколько сот обреченных, ожидающих расправы. Да, если бы не предусмотрительность Аземии, ты была бы сейчас вместе с ними, и у тебя не разламывалось бы сердце, будто на самом деле изменила, предала...

Кусая губы, она бежала, не замечая, не видя улиц и переулков, не чувствуя боли ушибов, когда перелезала через развалины и баррикады, то и дело натываясь на трупы. А медный рык колоколов неистово бил в уши, сводил с ума...

И вдруг что-то толкнуло в сердце, заставило остановиться и оглядеться. Да, эта улочка, безусловно, ей знакома, но она не сразу поняла, что привело ее сюда! Минуту с удивлением разглядывала невзрачный, облупившийся фасад, выщербленные камни тротуара.

Но — как же могла забыть?! Мари! Старики Ферре!

И словно не было смертельной усталости, — птицей взлетела по крутым лестничкам, не постучала, распахнула дверь. И сразу увидела обеих Мари — старую и молодую. Ни старика Лорана Ферре, ни брата Теофиля не оказалось дома. Мари лежала пластом, бледная, как покойница, а старуха Ферре с безумным взглядом бродила по комнатам, что-то бормоча. Старая Мари даже не взглянула на Луизу, продолжая деловито осматривать квартиру, окликая сыновей.

— Поли!.. Тео!.. Да куда же вы попрятались?

Мари посмотрела на Луизу опустошенным взглядом.

— Они убили Рауля...

И такое горе прозвучало в голосе, что Луиза не нашла слов утешения, молча присела возле, взяла руку:

— Мари, я не знаю, что лучше: смерть в бою или...

На лестнице слышались громкие голоса и топот сапог. Мари и Луиза переглянулись, но старуха продолжала бродить по комнатам и кухне, заглядывая в углы.

Дверь распахнулась. На пороге появился жандармский офицер, за его спиной блестели штыки, бряцали сабли, в руке офицера револьвер.

— Квартира Ферре?!

— Да! — с усилием кивнула Мари, — Что вам нужно?!

— Мне нужен бандит Теофиль Шарль Ферре, один из главарей Коммуны! Где он?

— Он давно не живет здесь.

— А где?! Где мерзавец прячется?! Ну, говори! — Офицер ткнул дулом револьвера Мари в бок. — Ты — сестра? Любовница? Шлюха?!

— Вам не привыкать убивать женщин, — спокойно ответила Мари. — Убейте меня, я вам спасибо скажу.

— На дьявола мне твое спасибо! Мне нужен негодяй, расстрелявший монсеньора Дарбуа! О, с каким наслаждением я сдеру с него шкуру! Ну!

У Луизы отлегло от сердца, — значит, Теофилю пока удалось избежать гибели и плена, но с повой силой ее охватила тревога за Марианну: скорее, скорее туда, на улицу Удо! Она очнулась, когда дуло повернулось к ней.

— А ты?! Кто ты?! — кричал офицер. — Ну!

Луиза молчала. Швырнуть бы ему в морду свою гвардейскую книжку, единственное, что решила сохранить. И она, конечно, так и сделала бы, если бы не мама Марианна!

— Не кричите на нее, — устало попросила Мари. — Она глухонемая.

Трудно сказать, что произошло бы дальше, но тут жандарм обратил внимание на старуху Ферре, которая продолжала бесплодные поиски, бормоча:

— Мальчики... мои мальчики...

Офицер бросился к ней:

— Да, да, мадам Ферре! Где они, ваши милые, ненаглядные мальчики?! Нам тоже хочется их повидать, любезная мадам Ферре! — Жандарм впился напряженным взглядом в лицо старой женщины. — Ну! Где? Где? Где?!.. Иначе заберем дочь! Заберем и уьем!

— Мама! — крикнула с постели Мари.

Но было поздно. Старуха с беспокойством оглянулась на приподнявшуюся в постели дочь.

— Нет, нет, ее нельзя... а мальчики... улица Сен-Совер...

Студенистые глаза радостно блеснули, офицер повернулся к ожидавшим у порога солдатам.

— Сен-Совер! Слышали?! Мы перекопаем улицу так, что ни одна вошь не уйдет живой! За мной!

И они ушли, грохая каблуками и брэнча саблями.

Луиза кинулась на улицу Удо. И предчувствие не обмануло. Дверь в квартиру была раскрыта настежь. Финеттка валялась посреди комнаты в луже крови.

— Мама! Мама!

Никого. Луиза сбежала по лестнице, ворвалась к консьержке.

— Мадам Ленуа! Где мать?!

— О, мадемуазель Луиза! Ее недавно увели. Все спрашивали про вас. И Финеттку из ружья убили, она бросалась на них.

— Куда повели?

— Вверх по улице, на гору...

Луиза бежала, чуть не падая, натыкалась на встречных, — мерещилось, что опоздала, что Марианну уже расстреляли. На нее оглядывались, как на безумную, да она, пожалуй, и была безумна. Кто-то объяснил ей, что пленных и арестованных согнали во двор 37-го бастиона, по что собираются с ними делать — неизвестно.

Да, двор бастиона был набит людьми — рабочие, гвардейцы, женщины и даже дети.

Часовые у ворот поначалу не хотели впускать Луизу, но она кричала, что у нее неотложное дело к коменданту бастиона, и ее провели к нему. Она пыталась найти взглядом Марианну, но людей во дворе было слишком много. Снова стал накрапывать дождь, и люди прятались под случайные укрытия, кутались во что попало.

Комендант стоял под навесом в кучке офицеров, — о чем-то переговаривались, смеялись. Щеголеватый комендант, прищурившись, оглядел Луизу, тугие полные щеки полыхали румянцем.

— Чем могу служить, мадам?

— Ваши солдаты забрали мать! Отпустите ее! Я — Луиза Мишель!

Сочные губы под каштановыми усиками протяжно свистнули, а стоявший рядом капитан обрадованно хохотнул:

— Вот так подарок, полковник! Красная дева Монмартра сама пришла за своей смертью! Потрясающе!

И все захохотали, оглядывая Луизу.

— Вы не верите мне?! — продолжала Луиза. — Отпустите мать! Она где-то здесь. Вот моя гвардейская книжка!

С удивлением и даже, пожалуй, с уважением комендант взял маленькую картонную книжку.

— Вы знаете, что вас ждет?

— Да! Я не боюсь смерти!

Комендант смотрел напряженно и с недоверием, — видимо, в его голове не укладывалось: как можно не бояться смерти, как можно не любить жизнь с ее прелестями и удовольствиями?! Он отдал Луизе гвардейскую книжку.

— Как имя матери?

— Марианна.

Комендант повернулся к молодому капралу:

— Жан! Вытащите из могилы Марианну Мишель, а на ее место суньте эту фанатичку, раз уж ей так не терпится умереть!

Козырнув, капрал направился к мокнувшей под дождем толпе. Донеслось:

— Марианна Мишель! Марианна Мишель! Марианна...

Прощание с матерью было тягостным: Марианна никак не хотела оставлять дочь.

— Да ничего они мне не сделают, ма! — убеждала Луиза, — Подержат два-три месяца в тюрьме и отпустят. А ты, дорогая, будешь носить мне передачи. Иначе я ведь умру с голоду: в тюрьмах отвратительно кормят...

Может, последнее и убедило Марианну, но, прежде чем уйти, она долго плакала и крестила дочь и, стоя в воротах бастиона, махала рукой.

— Идите! — приказал Луизе комендант, махнув перчатками на толпу арестованных.

И Луиза пошла к своим, к людям, которых считала родными по крови, по идеям, по судьбе. И странное душевное спокойствие овладело ею, снова она стала сама собой, не было нужды скрывать мысли и чувства. И что бы палачи с ней ни делали, им не удастся сломить ее волю и гордость, они не заставят ее просить у них милости и пощады!

Отдав зонтик Аземии женщине с ребенком, Луиза бродила в толпе, отыскивая знакомых. Только об одном сейчас жалела — о сожженном солдатском мундире, заношенном и пропахшем порохом, — именно в нем она впервые почувствовала себя свободным человеком и по-настоящему борцом.

Теперь Луиза попыталась трезво оценить события. И так, все кончено. Коммуна раздавлена. Что ждет бывших федератов и их семьи, десятки тысяч которых согнаны вот так, как здесь, во дворы парижских казарм и бастионов, могут ли они рассчитывать на милость победителей? Ой, вряд ли, Луиза! Ты же видела расстрелянных женщин и мальчишек...

И словно специально для того, чтобы ответить на ее вопросы, в воротах бастиона появилась конная группа. По золотому шитью мундиров, по множеству звезд и орденов Луиза догадалась, что явились высшие чины армии-победительницы.

Вскинув руку к козырьку кепи, комендант рапортовал генералу о состоянии дел во вверенном ему гарнизоне, тот удовлетворенно кивал. Потом сопровождаемый свитой генерал проехал вдоль линии часовых, поправляя тыльной стороной ладони лихо закрученные усы. Надменное, жестокое лицо было знакомо Луизе по многочисленным карикатурам, — вот он, одни из палачей рабочего Парижа. И она не ошиблась. Натянув поводья, генерал остановил великолепного, породистого коня и рассмеялся — торжествующе и зло.

— Ну! Ждете своего смертного часа, грязные выродки! Ничего, я не заставлю вас долго ждать. Я — Галифе! Ваши подлые газетенки достаточно обливали меня грязью. Теперь я беру реванш! Вы считаете меня жестоким, господа с Монмартра, но я гораздо жесточе, чем вы думаете! Вы убедитесь в этом на собственных шкурах, ничтожества, возмечтавшие о власти!

Склонившись с седла, Галифе что-то приказал коменданту, и гот, послушно козырнув, передал команду офицерам бастиона. И сразу все пришло в движение. Из каменных казарм выбегали вооруженные карабинами солдаты, отдохавшие от караула, тесным, железным кольцом обжимали пленных.

«Ну вот, кажется, и пришел твой час, Луиза Мишель! Приведи же в порядок заляпанный грязью костюм, поправь растрепавшиеся волосы. Смерть завершает человеческую жизнь, и надо умереть так, чтобы никто не посмел сказать: «Красная дева Монмартра не оправдала данного ей имени, она струсила в последнюю минуту! Не будет этого, не будет никогда!»

Галифе и его свита отъехали в сторону, а солдаты конвоя, тыча пленных штыками и саблями, заставляли их проходить перед генералом. Глаза Галифе смотрели холодно, закрученные усы вздрагивали.

— Направо! Направо! Налево! — командовал, взмахивая плеткой, генерал, и, подчиняясь его жесту, конвоиры сортировали людей. Многие не понимали смысла этой зловещей сортировки, но большинство, как и Луиза, приводили в порядок свою одежду. Кто-то громко молился, испуганно плакал ребенок на руках женщины, которой Луиза отдала зонт.

А дождь все лил. Черным глянец сверкали клеенчатые плащи офицеров, суетился, наблюдая за порядком, комендант. Продолжали пасхально трезвонить бесчисленные колокола.

Луиза оказалась «налево», штык конвоира сильно оцарапал ей руку. Она еще не могла определить, что уготовано тем, кого штыками отогнали к кирпичной стене «направо», и тем, кто, подчиняясь конвою, очутился неподалеку от ворот. Но вот одна из женщин, немолодая и изнуренная, проходя мимо Галифе, бросилась к нему, обхватила руками сверкающий сапог. Вздвогнув, Галифе откинулся в седле, тень испуга пролетела по надменному лицу. Но он сейчас же справился и оттолкнул женщину ногой.

— Генерал! Генерал! — кричала она. — Мой муж не виноват! Он не сражался! Будьте милосердны, генерал!

— Где ваш муж? — спросил Галифе, улыбаясь углом рта.

— Катрин! Стыдись! — крикнул мужской голос из толпы «направо», и Луиза увидела добротного одетого пожилого человека в пенсне, — он мог быть учителем или врачом.

Женщина продолжала:

— Не виноват! Он ничего не делал! — И все порывалась снова схватить генеральский сапог с серебряной шпорой.

— Мадам! — усмехнулся Галифе. — Перестаньте играть комедию! Поверьте, я бывал во всех театрах Парижа, меня не обмануть! А у вашего мужа слишком независимый вид, он вполне заслужил пулю. Уберите ее!

Вскоре сортировка закончилась, Галифе жестом подозвал коменданта Прищурившись, оглядел пленных «направо», у кирпичной стены, поиграл желваками чисто выбритых щек.

— Из митральез, полковник! Эта пададь не стоит, чтобы на каждого тратили пулю! А этих, — он презрительно махнул на согнанных к воротам, — в Версаль, в Сатори! Там земли для всех для них хватит!

Конвой принялся подталкивать людей штыками к воротам. Солдаты из команды коменданта катили от ворот в глубь двора две митральезы, и стоявшие у стены, и отгоняемые к воротам с ужасом смотрели на них.

Луиза кричала вместе со всеми, но не слышала ни своего голоса, ни слов. Острие штыка безжалостно впивалось то в плечо, то в грудь: остановиться было невозможно.

Они не успели отойти от бастиона и полквартала, как за его стенами загревели трескучие выстрелы митральез, а потом — одиночные ружейные... Для оставшихся у кирпичной стены все кончилось!..

Дождь продолжал лить как из ведра. Измученные люди едва переставляли ноги, плакали дети. Беспощадный конвой гнал пленников по дороге к Версалью. Откуда-то появились смоляные факелы, в их прыгающем огне растянувшаяся колонна представлялась Луизе порождением ее воспаленного воображения...

Казалось, крестному пути не будет конца. Кое-кто не мог идти, падал в грязь, его кололи штыками и били ногами, а если и тогда не шел, оттаскивали в сторону и убивали, — так случилось с двумя женщинами и несколькими стариками... Пылали факелы, светилось за пеленой дождя тусклое зарево Парижа...

И лишь поздно ночью на холме, впереди, в серой мгле, вырисовались зубчатые стены Сатори...

Итак, Луиза, начинается новая полоса жизни! И кто может сказать — фигура какого зловещего Галифе поджидает тебя в конце пути, кому предстоит перечеркнуть твою жизнь?..

Версия #1

Зверобой создал 23 июня 2025 23:02:21

Зверобой обновил 23 июня 2025 23:04:15